

***«Что такое Сангха?
Природа духовной общины»***

Урген Сангхаракшита

Часть 1

Группа и духовное сообщество

Введение

Я впервые познакомился с буддизмом в тридцатых годах, когда мне было десять или одиннадцать лет¹. То, что я узнал из нескольких статей энциклопедии, в то время не слишком меня впечатлило. Однако, когда мне было шестнадцать, я прочитал два буддийских текста, которые назывались «Алмазная сутра» и «Сутра Вея Ланга», и это действительно произвело на меня сильное впечатление. На самом деле, рискну даже сказать, что благодаря им у меня появился первый проблеск того, что в буддийской традиции известно как совершенное видение, первое непосредственное проникновение в истинную природу реальности. Начиная с этого момента, я стал считать себя буддистом, но только через два года я начал общаться с другими буддистами. Два года я самостоятельно читал о буддизме, изучал его, пытался понять и даже время от времени писал о нем. Я прочитал все, что мог достать из того, что могло пролить на него свет, включая сведения из многих других духовных традиций.

С тех пор буддизм на Западе ушел далеко вперед. К примеру, никогда ранее в мировой истории у человека не было возможности собрать на своей полке переводы классических текстов великих духовных учений Запада и Востока в дешевом издании и читать их в свое удовольствие. Все эти духовные традиции и учения внезапно оказались в одном плавильном котле, взаимодействовали и влияли друг на друга. И хотя в наши дни есть огромное множество буддийских организаций, многие люди, по-видимому, все же впервые встречаются с учением Будды посредством чтения: время личного контакта с другими буддистами наступает гораздо позже. Тем, кто живет в больших городах, вероятно, довольно просто найти буддийскую группу, но за пределами основных мегаполисов многим людям приходится продвигаться, насколько это возможно, в своей практике, полагаясь только на себя, и, может быть, в течение многих лет. Я встречал людей, которые читали о буддизме и даже пытались практиковать медитацию в течение десяти или пятнадцати лет, за все это время не встретившись ни с одной группой буддистов.

Мы обусловлены нашим опытом, особенно нашим ранним опытом: все, что с нами происходит, оставляет на нас тот или иной отпечаток – и это справедливо даже по отношению к нашему опыту буддизма. Если вы привыкли заниматься самостоятельным изучением, медитировать в одиночестве, предаваться собственным размышлениям, не сверяясь с тем, что другие думают по этому поводу, и не общаясь с людьми подобных убеждений, вы можете задать справедливый вопрос о том, необходимо ли вообще присоединяться к какой-либо группе, даже к группе буддистов. Вам, возможно, будет казаться, что вы вообще не из тех, кто вступает в какую-либо группу.

Но, как я сам обнаружил, когда, наконец, встретился с другими практиками буддизма, контакт с другими людьми, идущими по буддийскому пути, совершенно

меняет наши возможности на этом пути. На самом деле, Сангхе, духовному сообществу, с самого начала буддийской традиции уделялось столь же важное место, как и другим великим идеалам буддизма: Будде, который представляет собой идеал Просветления, и Дхарме, пути учения, который приводит к Просветлению.

Так как же присоединение к группе соотносится с идеалом духовного сообщества? Именно это мы будем исследовать в данной книге. В наиболее специфическом смысле термин «сангха» относится к мужчинам и женщинам, которые на протяжении буддийской истории обрели Просветление, следуя учению Будды. Слово «сангха» также используется в некоторых традициях буддизма по отношению к монашеской общине в отличие от мирян, но, вероятно, наиболее широко оно используется просто как обозначение буддийского сообщества в целом. Но, рассматривая вопрос «Что такое Сангха?», мы будем размышлять о сущностной природе сангхи – то есть, о природе взаимоотношений между отдельным буддистом и более обширным сообществом практиков буддизма. Как мы увидим, в идеале сангха состоит из развивающихся личностей, и ее цель не в том, чтобы стать могущественной организацией, группой, но в том, чтобы обеспечить продвижение отдельного человека к конечной цели – освобождению на благо всех существ.

Для того, чтобы исследовать природу сангхи в подобном аспекте, нам нужно будет рассмотреть несколько основополагающих вопросов. Например, в чем разница между группой и духовным сообществом? Что означает быть личностью? Первая часть этой книги посвящена проведению различий между группой и духовным сообществом и включает в себя краткую историю духовных сообществ, как буддийских, так и небуддийских, а также основы определения личности.

Во второй части мы сосредоточимся на подлинной личности – то есть на том, что значит быть подлинным человеком в контексте эволюции сознания, и исследуем различным образом качества, присущие личности.

Как мы увидим, в наиболее широком смысле можно сказать, что суть сангхи в установлении контакта, в отношениях. Следовательно, в третьей и последней части этой книги мы рассмотрим, по крайней мере, бегло (это обширная тема) этические предпосылки отношений буддиста с другими людьми: друзьями, супругами, семьей, коллегами и духовными учителями. И, наконец, в завершающих главах мы вкратце коснемся отношений отдельного буддиста с духовным сообществом мира в целом, или, по крайней мере, приоткроем возможности того, как буддийская сангха может сыграть свою роль в улучшении той глобальной ситуации, в которой мы находимся.

Глава 1. Драгоценность Сангхи

Три самые драгоценные вещи

В каждой религии или духовной традиции есть определенные концепции, символы, вероучительные формулы и идеалы, которые воплощают ее высочайшие ценности. Сангха – один из трех идеалов, которые составляют сердцевину буддизма, и я хотел бы начать с рассмотрения ее в этом контексте.

Первый из этих идеалов – идеал Просветления, состояния мудрости, неотделимой от сострадания, и сострадания, неотделимого от мудрости, интуитивного понимания окончательной реальности в ее абсолютной глубине и всех ее проявлениях. Этот идеал представлен не каким-либо божеством, не «Богом» или пророком, не воплощением сына Бога, но и не просто мудрым и сострадательным человеком, а человеком, которого стали называть Буддой. Исторический Будда был обычным человеком, который ценой собственных усилий преодолел человеческие ограничения и стал для буддистов символом самой реальности. Принять «Драгоценность Будды» в качестве идеала – значит признать, что она важна лично для нас и что мы сами можем стремиться к обретению Просветления. Короче говоря, Будда показывает нам, кем мы можем стать.

Второй великий идеал буддизма – Дхарма. У самого этого слова есть такое количество значений, которое может привести в замешательство – среди них «признак», «закон», «принцип», «обычай», «практика», «традиция», «долг» и «конечный элемент существования»². Но здесь оно обозначает путь к Просветлению – совокупность всех тех практик, ритуалов, методов и упражнений, которые помогают нам в достижении Просветления.

Такой способ определения учения Будды является центральным для более или менее ясного понимания буддизма. Будучи буддистом, очень просто впасть в привязанность к доктринам и начать говорить: «Делать вот так и вот так – это буддизм». Но кто-нибудь, принадлежащий к другой школе буддизма, мог бы сказать как раз противоположное. Например, некоторые буддисты скажут: «Все зависит от ваших собственных усилий», а другие возразят: «Любое усилие, которое вы совершаете, поддерживает силу вашего омрачения – вам нужно просто осознать, что нет «я», которое делает усилия». Так как же нам разобраться в этих противоречивых утверждениях? Как нам подобраться к тому, что Будда действительно намеревался передать?

К счастью для нас, этот вопрос возник у одной из учениц самого Будды, его старой кормилицы и тети Махапраджапати, потому что различия во мнении относительно того, чему на самом деле учил Будда, существовали уже тогда. Несомненно, она могла напрямую обратиться к источнику этих различных путей понимания Дхармы. Она спросила у самого Будды: «Как нам распознать, что является Дхармой, а что нет?» И он ответил: «Это очень просто. Если учения, будучи применены на практике (если о них не рассуждают, а *практикуют* их), приводят к таким вещам, как отрешенность, уменьшение мирских приобретений, бережливость, удовлетворенность, терпение, сила и удовольствие от благого, – это,

можешь быть уверена, моя Дхарма. А противоположное этому – не моя Дхарма»³.

Здесь Будда точно обозначает цели духовной жизни – это не расплывчатая, субъективная фантазия, – и средства достижения этих целей должны быть столь же точными. Вот почему Будда в другом месте описывает Дхарму как плот⁴: без нее нет средства пересечь бушующий поток цепляния, ненависти и замешательства, но все же это только средство – это не цель сама по себе. Как только плот, так сказать, перенес вас к Просветлению, его можно отвергнуть, он больше не имеет пользы лично для вас.

Буддисты Махаяны сделали из совета Будды, данного Махапраджапати, важное заключение. Приняв один из каменных заветов великого индийского императора Ашоки, который гласит: «Все, что сказал Будда, сказано хорошо», они перевернули его. «Что бы ни было сказано хорошо (*сувачана*), – говорится в Махаяне, – это является словом Будды (*буддавачана*)»⁵. Это, несомненно, означает, что мы должны очень осторожно относиться к тому, что мы считаем «сказанным хорошо». Осторожность, с которой следует толковать Дхарму, можно выразить, переводя это слово как «истинная правда». Подлинное выражение Дхармы всегда выражает истинную правду о человеческом существовании. Это второй великий идеал буддизма – Дхарма.

Теперь мы можем сосредоточиться на нашей основной теме, третьем великом идеале буддийской жизни, Сангхе. Слово «*сангха*» означает «объединение» или «общество». Это не исключительно буддийский термин – он употребляется во многих древних и современных языках Индии. Однако в контексте буддизма сангха в ее широчайшем смысле – идеал духовного сообщества, братство тех, кто в целом следует общему пути к окончательному достижению одной и той же цели. Возможно, вас удивит, что духовному сообществу нужно придавать такую важность – в действительности, такую же, как самому идеалу Будды и учения Будды. Но с самого начала Будда ясно давал понять, что сангха обладает высочайшей важностью. Он придавал большое значение своим ученикам, особенно Просветленным ученикам, настаивая, что любые почести, которые отдаются ему, следует разделить с ними. Однажды кто-то захотел поднести ему довольно ценные одеяния, и он ответил: «Нет, не подносите их мне, поднесите их сангхе – заслуги от такого подношения будут выше»⁶. Подлинное значение этих слов – не в указании на то, что к членам сангхи нужно относиться как к важным персонам. Скорее, они подчеркивают огромную ценность, которой Будда наделял духовную общину и особенно духовную дружбу. Как мы увидим – и, надеюсь, сможем почувствовать – духовная дружба, как сказал Будда, является основой всей духовной жизни.

Идеалы Будды, Дхармы и Сангхи известны на санскрите как «*триратна*», Три Драгоценности или (как передают это китайские переводчики) три самые драгоценные вещи. Их называют так, потому что в контексте буддийской традиции они воплощают высшие ценности существования – или три аспекта одной абсолютной ценности. Все остальное имеет значение только в соотношении с ними. Все остальное присутствует только ради той сущности, реальности, которую они

символизируют. Любой аспект буддийской практики, который вы только можете вообразить, связан с одной или несколькими из этих Трех Драгоценностей. Они следуют друг за другом в определенном порядке. Драгоценность Будды появилась первой, когда Сиддхартха Гаутама обрел Просветление под деревом бодхи. Затем, спустя два месяца, когда он произнес первую проповедь для пяти своих давних друзей, пяти аскетов, в Оленьем парке в Сарнатхе, неподалеку от Бенареса, появилась вторая Драгоценность, Дхарма⁷. А Драгоценность Сангхи появилась последней, когда эти пять аскетов один за другим поклонились ему и сказали: «Прими меня в качестве последователя».

Эта модель чаще всего воспроизводится, когда буддизм появляется в новой части света. Например, в Европе Будда стал широко известен (хотя информация о нем и не была вполне достоверной) в конце XVIII века⁸. Постепенно сформировалось представление о том, что Будда был индийским учителем и что Будда, которого, например, почитают в Шри-Ланке, – тот же самый человек, который известен в Китае как «Фо». Но его учение, Дхарму, не изучали вплоть до середины XIX века. И еще больше времени понадобилось, чтобы люди, заинтересованные в этом учении, начали образовывать буддийские общества, которые содержали в себе элементарные зачатки сангхи. Вероятно, старейшее из таких обществ – Буддийское общество на Экклстон-сквер в Лондоне, основанное в 1924 году. На самом деле, не все западные буддисты осознают важность сангхи для обеспечения условий, необходимых для поддержания плодотворной буддийской жизни.

Что такое буддийская жизнь?

Ответ на вопрос «Что такое буддийская жизнь?» можно дать одним словом. Это жизнь того, кто *предан*. Буддист – это не тот человек, который просто родился в буддийской семье или занимался академическими исследованиями буддизма и знает много о его истории и доктринах. Это также не тот, кто интересуется буддизмом поверхностно, немного узнал о нем и излагает во всеуслышание свои взгляды по этой теме, кто смешивает буддизм с христианством, ведантой или теми или иными идеями Нью-Эйдж. Буддист – это человек, который предан Трех Драгоценностям, кто «обращается к прибежищу» к ним (согласно традиционному выражению) и кто, выражая это Обращение к Прибежищу, стремится соблюдать этические наставления буддизма. Это самая суть вопроса.

Обратиться к Прибежищу в Будде означает принять Будду и никого другого в качестве окончательного духовного проводника и примера. Обращение к Прибежищу в Дхарме означает, что мы делаем все возможное, чтобы понимать, практиковать и реализовывать основополагающую сущность учений Будды. А Обращение к Прибежищу в Сангхе означает, что мы ищем вдохновения и руководства у тех последователей Будды прошлого и настоящего, которые духовно гораздо более продвинуты, чем мы сами.

Другое название Трех Драгоценностей – Три Прибежища (*тришарана* на санскрите)⁹. Отношение к Будде, Дхарме и Сангхе как к драгоценностям указывает

на то, насколько они драгоценны. Но если вы на самом деле осознали их драгоценность, вам просто придется относиться к ним определенным образом согласно своему пониманию. Если вы на самом деле признаете ценность чего-либо, вы поступаете так, как будто это действительно так. Если вы убеждены в том, что Три Драгоценности представляют собой высочайшую ценность существования, вы будете поступать согласно этому убеждению. Этот процесс, когда мы действуем согласно своим убеждениям, известен как Обращение к Прибежищу. Это равнозначно тому, что в других религиозных системах известно как «обращение в веру»¹⁰.

Слово «прибежище», которое является буквальным переводом изначального санскритского слова «*шарана*», не имеет таких оттенков значения, как побег, поиск способа избежать суровых реальностей жизни, затерявшись в псевдорелигиозных фантазиях. Скорее, оно представляет собой два огромных изменения в существе человека. Это, во-первых, осознание того факта, что постоянство, неизменное «я», ничем не омраченное блаженство и чистую красоту нельзя найти нигде в мирском существовании, а только в запредельном измерении нирваны, а, во-вторых, искреннее решение перейти из одного измерения в другое, от мирского к запредельному.

Во многих странах, где традиционно практикуют буддизм, эти глубинные изменения сердца нашли воплощение в церемонии под названием «принятие Прибежища». В этой форме они неизбежно превращаются в банальность. Любое публичное мероприятие, даже, как это ни прискорбно, политический митинг, начинается с того, что все «принимают» Прибежище и наставления, то есть повторяют их, просто чтобы показать, что они хорошие буддисты. Еще один способ обесценить Обращение к Прибежищу – воспринимать его как нечто, что вы делаете раз и навсегда, подобно крещению в христианстве, поэтому предполагается, что когда вы «приняли Прибежище» от монаха, вы определенно стали буддистом.

Преданный буддист – это тот, кто обращается к Прибежищу или старается это делать постоянно. По мере того, как растет осознание ценности Трех Драгоценностей, Обращение к Прибежищу становится, соответственно, более глубоким. И иногда это приводит к удивительным результатам. Это может означать, что то, что сначала привело вас к буддизму, по мере продвижения в практике становится не более, а менее важным, поскольку ваше углубляющееся понимание замещает сравнительно искусственное признание ценности буддизма, которого было достаточно для того, чтобы ваш путь начался.

Например, человек, возможно, услышал, что, если христианство – религия веры, то буддизм – это религия разума, и именно это привлекло его в буддизм¹¹. Но потом, когда он более глубоко погружается в него, он обнаруживает, что все совсем не так. Он понимает, что, несмотря на то, что разуму в буддизме отводится определенное почетное место, он ни в коей мере не является главным принципом. Но он остается буддистом, потому что зашел достаточно далеко, чтобы не только отвести разуму полагающееся ему место, но и обнаружить, что другие аспекты

буддийской практики чрезвычайно важны.

Таким образом, Обращение к Прибежищу – это опыт, духовный опыт, который постоянно углубляется и приобретает новые измерения. Человек принимает идеал Просветленного человечества, нашедший пример в историческом Будде, и понимает, что он все больше и больше значим для него лично; он принимает этот идеал в качестве своей личной жизненной цели, все более близкой его сердцу; он пытается практиковать Дхарму таким образом, чтобы все более эффективно воплощать этот идеал.

Знаменитого индийского учителя по имени Свами Рам Дас, который умер в начале шестидесятых, однажды спросили: «Почему столь многие люди, вступающие на духовный путь, на самом деле никуда не продвигаются? Хотя они идут по пути год за годом, кажется, что они стоят на месте. Почему?» Его ответ был простым и бескомпромиссным. «Есть две причины, – ответил он. – Во-первых, они не определили точно конечную цель, над которой они хотели бы работать. Во-вторых, они не определили точно путь ее достижения».

Что касается буддизма, эта цель – состояние Будды, а путь к ее достижению – Дхарма. Это две необходимых составляющих духовной жизни буддиста. Возможно, их и достаточно. Почему же тогда нам следует также обратиться к Прибежищу в Сангхе? Как Обращение к Прибежищу в духовной общине помогает нам?

Зачем мы обращаемся к Прибежищу в Сангхе?

Говорят, что историю буддийской философии можно свести к борьбе между буддизмом и абстракцией. Поэтому, чтобы защититься от этого вездесущего врага, абстракции, нам нужно ясно осознавать, что, когда мы говорим о духовной общине, мы не имеем в виду некое нематериальное единство, рассматриваемое отдельно от людей, которые его составляют. Членство в общине означает отношения с людьми внутри этой общины. Теперь мы можем задать вопрос по-другому: как происходит, что завязывание отношений с другими людьми, которые придерживаются того же идеала и следуют тому же пути, помогает нам в нашей духовной жизни?

В каком-то смысле, все сводится к простому изречению: «Птицы по оперенью слетаются в стаю». Именно это позволяет им выжить. Однажды Будда произнес речь перед Вадджиянами, племенем из области Вайшали, которому угрожала какая-то опасность. Среди прочего, он сказал вадджиянам, что они будут процветать, пока будут продолжать регулярно и часто собираться всем племенем, выполняя свои обязанности в гармонии и расставаясь в гармонии. Впоследствии он стал применять тот же критерий к духовному выживанию сангхи¹².

Сердце сангхи – *кальяна митрата*, очень красивая фраза; на самом деле, это не столько философский термин, сколько поэтический. «*Кальяна*» означает нечто красивое, очаровательное, благоприятное, полезное, благое с нравственной точки зрения. Таким образом, это слово несет эстетические, нравственные и религиозные

оттенки. Этот термин означает примерно то же, что и греческое выражение «*калон каи агафос*» – «добрый и прекрасный». «*Митрата*» означает просто «дружба» или «товарищество». «*Кальяна митрата*», следовательно, означает нечто вроде «прекрасной дружбы», «нравственно благой дружбы» или, как я это перевожу, «духовной дружбы». Есть известный диалог между Буддой и его учеником Анандой, который отражает ее важность в глазах Будды. Ананда был двоюродным братом Будды и сопровождал его последние двадцать лет жизни Будды. Он повсюду следовал за Буддой, и они договорились, что если по какой-либо причине Ананда отсутствовал на проповеди Будды или Будда обсуждал Дхарму с кем-то наедине, впоследствии Будда обычно повторял Ананде все, что сказал. У Ананды была потрясающе цепкая память: он был своего рода аналогом диктофона. На самом деле, говорится, что мы обязаны ему знанием учений Будды. Поскольку он решил выслушивать все, что сказал Будда, сохраняя это в своей памяти для того, чтобы потом суметь повторить это на благо других, его свидетельство использовалось для удостоверения подлинности учений, которые остались после смерти Будды.

Но в данном случае Будда и Ананда просто сидели тихо вдвоем, как вдруг Ананда высказал то, что, он вероятно, обдумывал. Он сказал: «Владыка, я думаю, что кальяна митрата – это половина духовной жизни». Затем, как предполагается, он прилег и стал ждать какого-нибудь доброжелательного подтверждения от Будды. Ананда считал, что сказанное им неопровержимо: если рядом с тобой люди, думающие так же, как ты, которые тоже пытаются расти и развиваться, полдела сделано. Но Будда ответил: «Ананда, ты ошибаешься. Кальяна митрата – не половина духовной жизни, а вся»¹³.

Почему это так? Конечно, мы учимся у тех, с кем мы связаны, в особенности у тех, кто достиг большей зрелости, и учиться, несомненно, важно, если мы хотим продвигаться по духовному пути. Но в чем в действительности заключается «продвижение в духовной жизни»? Чему мы на самом деле учимся? Знание, в котором мы нуждаемся, в конечном итоге, – это знание себя.

Подлинное значение глубинного личного контакта, который подразумевает Обращение к Прибежищу в Сангхе, заключается в простом психологическом факте: мы лучше всего узнаем себя в общении с другими людьми. Если вы проведете всю свою жизнь в одиночестве на необитаемом острове, вы в каком-то смысле так и не узнаете себя. Как бы там ни было, у всех нас были ситуации, когда мы проясняли собственные представления, обсуждая их с другими, и даже когда мы обнаруживали, что знаем больше, чем нам казалось, просто пытаясь общаться с другим человеком. Как будто, когда мы пытаемся общаться с кем-нибудь, это приводит в действие понимание, которое уже существовало, но до сих пор не проявлялось, и даже открывает в нас новые аспекты, аспекты, которые можно открыть только в результате общения с другим человеком. Сталкиваясь с вызовом реального общения, мы узнаем себя лучше.

Дело не только в активизации понимания. Встреча с определенными людьми может затронуть в нас аспекты, которые были довольно глубоко

запрятаны. Мы говорим, что тот или иной человек «открывает в нас самое худшее». Возможно, он не сказал нам ни слова, но каким-то образом затронул нужную струну. Для нас может стать шоком осознание того, что пробудил в нас этот человек, открытие, что мы ведем себя, как нам кажется, не характерно для себя, даже выражение ненависти или презрения к человеку, который вызвал это нехарактерное для нас поведение. Конечно, эта неприятная сторона в нас присутствовала всегда, но необходим был этот человек, чтобы выявить ее. С помощью такого опыта, несомненно, негативного, но крайне полезного духовно, другие люди могут познакомить нас с нами самими. Мы не можем преобразить себя, пока не будем полностью представлять, что находится внутри нас.

И, напротив, определенные люди, по-видимому, «открывают в нас лучшее». Опять же, необязательны даже слова – одно пребывание с этим человеком придает нам легкость, бодрость, энергичность, позитивный настрой. Другие люди также могут иногда открыть в нас запасы доброты и благородства, о которых мы и не подозревали. А в особенном контексте буддизма есть определенные люди, которые пробуждают в нас качество веры, когда мы просто соприкасаемся с их собственной верой. То, что дремало в нас, приходит в движение.

Короче говоря, сангха необходима, поскольку личные отношения необходимы для человеческого развития. Это справедливо по отношению ко всем уровням – культурному, психологическому и духовному. Вне всякого сомнения, большинство людей развивается быстрее и легче, общаясь или, по крайней мере, вступая в контакт с другими. Не то чтобы полностью самостоятельное развитие было невозможно: на самом деле, в буддизме есть обозначение для тех, кто поступает именно так – *пратьекабудды*, уединившиеся будды или будды-отшельники¹⁴. Однако, хотя в канонических текстах есть ряд отсылок к ним, важно, что все эти будды относятся к отдаленному, легендарному прошлому. По-видимому, никаких исторических примеров не существует.

Мы чаще всего нуждаемся в поощрении, поддержке и вдохновении со стороны тех, кто идет в том же направлении, что и мы. Нас естественным образом поддерживают те, кто разделяет нашу особую заинтересованность в чем-то. Несмотря на то, что нам все еще нужно прикладывать самостоятельные усилия, по крайней мере, мы видим их цель более ясно – мы меньше подвержены сомнениям. Членство в сангхе также дает нам возможность служить другим, выражать нашу щедрость и готовность помочь. Даже такое простое дело, как подготовка чая и печенья для буддийского праздника, может помочь нам открыть в нас самих способность к щедрости, альтруизму и доброжелательности ко всем.

Таким образом, сангха нужна, чтобы помочь нам узнать себя и лучше выражать себя. Это становится возможным, потому что каждый, кто участвует в ней, предан Будде как идеалу знания себя в высочайшем и глубочайшем смысле, и Дхарме как идеалу, различным принципам и практикам, благодаря которым это знание себя может быть обретено. Общая преданность первым двум Прибежищам создает единую связь между членами духовного сообщества. Мы следуем, хотя и на различных уровнях, одному и тому же пути, ведущему к достижению одной и

той же конечной цели.

К тому же, если человек на самом деле не стремится к Просветлению и не пытается практиковать Дхарму, он может сказать, что предан этим идеалам, но, чтобы он ни говорил, он не более член сангхи, чем осел, следующий за стадом коров, может быть частью их стада. Этот образ Будда использовал в «*Самьюттанникае*». Как он это описывает, «осел может сказать «и я корова, и я», но у него нет ни рогов, ни копыт, ни чего-либо другого, похожего на коровье, что бы он ни говорил». Подобно этому, простое повторение Прибежища не делает человека членом сангхи. Это связь – внутренняя, духовная¹⁵.

На определенном этапе нашего развития, сколько бы мы ни медитировали и ни читали книги о духовной практике, нам нужно признать, что этого недостаточно. Вне всякого сомнения, мы можем многому научиться самостоятельно. Но если мы хотим полноценно развиваться духовно, рано или поздно нам придется на собственном опыте пережить, насколько важно общение в нашей духовной жизни. Следующая строфа происходит из Дхаммапады, одного из самых ранних собраний учений Будды, и цитируется здесь в оригинале, на пали:

*Сукхо буддханамуппадо,
Сукха саддхаммадесана.
Суккха сангхасса самагги,
Самагганам тапо сукхо*¹⁶.

Первая строка означает: «Появление Будды приносит счастье, блаженство, благословение («сукхо»)». Когда человек становится Буддой, это счастливый момент для всего человечества. Вторую строку можно перевести так: «Счастье – проповедовать подлинное учение». Преподнесение Дхармы – благословение для всего мира. Третья строка такова: «Счастлива духовная община, следующая общему пути». В четвертой строке «*тапо*» означает «жар» и относится к духовным практикам, которые подобны огню, выжигающему все нечистоты. Следовательно, строка означает: «Пламя духовной практики тех, кто следует одному пути, счастливо или благословенно».

Недостаточно иметь отдаленное представление о Просветлении, теоретические сведения об учениях Будды или буддийской организации. У буддизма нет будущего без действительно единого и преданного духовного сообщества, посвятившего себя совместной практике. И, если буддисты действительно собираются вместе в подлинном духе сангхи, тогда есть возможность хотя бы на время оказаться в *дхармадхату*, измерении Дхармы. В этом измерении все, что мы делаем, – это практика Дхармы, все, о чем мы говорим, – это Дхарма, а когда мы молчаливы и спокойны, мы наслаждаемся Дхармой вместе в тишине и покое. Тучи стресса и беспокойства, которые столь часто нависают над нашей мирской жизнью, рассеиваются, и источник вдохновения в наших сердцах начинает бить с новой силой.

Глава 2. Традиционная Сангха

Празднование Прибежища в Сангхе

Достаточно просто принять решение посвятить себя Трем Драгоценностям. Однако совсем не так просто поддерживать это обязательство. Если мы недостаточно осторожны, видение тускнеет, мы теряем присутствие в настоящем, впадаем в отвлечение и беспокойство или устраиваемся удобнее и погружаемся в апатию и таким образом нарушаем наше обязательство. Следовательно, абсолютно необходимо, чтобы мы устроили нашу жизнь так, чтобы в ней присутствовали регулярные напоминания о нашем первоначальном обязательстве. Есть много способов это сделать (на самом деле, можно даже утверждать, что буддийская практика во всех своих аспектах разработана для того, чтобы этого добиться), но одно из традиционных напоминаний – это участие в буддийских празднованиях.

Просветление Будды отмечается в день полнолуния индийского месяца «Висакха» («Весак» по-сингальски), который приходится на апрель или май. В этот день, также известный под названием «Будда Джаянти», мы напоминаем себе о том, чего может добиться человеческое существо и, следовательно, мы тоже можем к этому стремиться. День учения Будды, «День Дхармы», празднуется в день полнолуния индийского месяца Асала, в июне или июле, и этот праздник также отмечается ежегодно в честь первой проповеди Будды, его первого развернутого учения человечеству. Что касается Сангхи, празднование в честь нее, напоминающее нам обо всех тех, кто следовал пути Просветления до нас, и о самом существовании духовного сообщества, отмечается в день полнолуния месяца Картика (в октябре-ноябре). День Сангхи отличается от двух других основных праздников, потому что он не связан с каким-то особым событием из жизни Будды. Вместо этого, он напоминает нам о ежегодном событии в жизни ранней сангхи.

Если мы вернемся в воображении к первому духовному сообществу, сплотившемуся вокруг Будды, мы обнаружим, что оно состояло из тех, кого я назвал бы «частично вовлеченными» и «полностью вовлеченными» ее участниками. Для современных буддистов характерно, что они пытаются стать «полностью» практикующими, каков бы ни был стиль их жизни. Но стиль жизни теперь совершенно другой. Во времена Будды было много людей, желавших следовать Дхарме, но намеренно или в силу обстоятельств остававшихся дома. Они женились, заводили детей, работали, выполняли гражданские и политические обязанности, а также медитировали и практиковали Дхарму, насколько это было возможно в сложившихся обстоятельствах. Поэтому их можно было назвать «частично вовлеченными» (позже они стали известны как ученики-миряне). При прочих равных условиях, они развивались духовно не так быстро, как «полные» члены сангхи, но все-таки добивались продвижения, иногда значительного и даже большего, чем многие «полные» члены.

Напротив, «полностью вовлеченные» члены сангхи, которые превратились в тех людей, которые теперь нам известны как монахи и монахини, отсекали все

связи с домом, покидали семью и светское окружение. Они отрекались от всех гражданских и политических обязанностей и принимали как знак своего образа жизни шафрановые одеяния, которые они окрашивали земляной краской «*геруамати*», чтобы люди могли понять, кто они, когда они шли мимо них со своими чашами для подаяния. Эти «полностью вовлеченные» ученики всецело посвящали себя практике Дхармы. Они учились вместе, медитировали и принимали на себя задачу сохранять учения Будды, заучивая их на память. Изучение, безусловно, не подразумевало чтения книг, потому что книг не было. Единственным способом изучения Дхармы было слушание ее от кого-то, кто мог прочесть ее по памяти (по крайней мере, частично), чтобы вы могли обсудить ее и впоследствии выучить самому. В конечном итоге вы стали бы своеобразной живой, ходячей книгой.

В те времена одной из наиболее важных характеристик этих полностью вовлеченных учеников было то, что они вели бродячий образ жизни, странствуя с места на место, а не обосновывались там, где могли найти дружелюбную и благоприятную поддержку со стороны мирян. Этот образ жизни рекомендовал сам Будда в особенно лаконичном маленьком стихотворении (здесь приводится перевод с пали):

*Чище та вода, которая течет,
Чище тот монах, который идет.*

Однако в таком постоянном передвижении были и свои проблемы – погода. Дождливый сезон в Индии наступает всегда в одно и то же время, с точностью почти до дня, в июле, и дожди идут непрерывным бурным потоком, барабана день за днем, месяц за месяцем, до самого октября. Это было неподходящее время для того, чтобы оставаться на улице, если только не нужно было сажать рис, и то в самом начале сезона. Вынужденные, подобно прочим людям, искать кров, полностью вовлеченные члены сангхи обычно оставались на одном месте в этот период, чаще всего малыми группами. Таким образом, сложился ежегодный распорядок: монахи постоянно перемещались с места на место восемь или девять месяцев, а оставшиеся три или четыре проводили в пещере или каком-то другом укрытии, сделанном из широких тропических листьев, или в хижине из тростника и бамбука в чьем-нибудь саду. Так возникла высоко почитаемая традиция уединения в сезон дождей, *варсаваса*.

Со временем довольно большое число полностью вовлеченных членов сангхи стало собираться в месте для этого ретрита (десятки, а иногда и сотни людей), и все они изучали Дхарму и практиковали в одном месте. Иногда к ним присоединялись местные частично вовлеченные члены сангхи, для которых муссонные дожди также были временем вынужденной бездеятельности, и, следовательно, у них было больше свободного времени, чем обычно. Чаще всего они были слишком заняты для того, чтобы уделять большое значение Дхарме; наставления, которые они получали от проходящих мимо бродячих отшельников, были коротки и обычно быстро забывались в круговороте повседневных радостей и забот. Следовательно, сезон дождей был драгоценной возможностью для них

достичь большей глубины в практике под духовным руководством полностью вовлеченных членов.

В конце сезона дождей обычно проводился большой праздник, состоящий из двух частей. Во-первых, проводилась *правапарана*, церемония, в ходе которой каждый просил у всех присутствующих прощения. После трех или четырех месяцев, проведенных вместе, неизбежно оставались неразрешенные столкновения и недопонимание, которые необходимо было прояснить. Поэтому старейшина полностью вовлеченных членов сангхи обычно начинал церемонию со слов: «Достопочтенные господа, если я совершил какую-либо ошибку, или обидел кого-то, или сказал что-то, чего я не должен был говорить, на протяжении последних трех месяцев, пожалуйста, примите мои извинения». Затем все остальные следовали его примеру один за другим, заканчивая самым юным из присутствующих.

Вторая церемония, проводившаяся в этот день, – *катхиначиварадана*. «*Катхина*» означает «трудный», «*чивара*» означает «платье» или «роба», а «дана» означает «даяние», следовательно, это церемония «трудного даяния роб». Мы говорим «роба», но на самом деле в те дни все ходили в «робах», поэтому полностью вовлеченные члены сангхи не носили специального духовного одеяния, о котором сейчас напоминает слово «роба». Частично вовлеченные члены считали себя обязанными обеспечить полностью вовлеченных членов новыми одеяниями. Такое подношение считалось особенно благоприятным в это время, после периода дождей. Подношение называлось «трудным», потому что была только одна возможность в году сделать его, отправить монахов восвояси без единого пятнышка.

И в наши дни в Бирме есть традиционная церемония, которая делает подношение особенно трудным. Каждый год миряне – или, скорее, мирянки – ставят перед собой цель сделать одеяния от начала до конца за день до церемонии. Они сидят всю ночь, прядя нити из хлопка, затем ткут полотно из нитей, разрезают полотно на полосы, сшивают их вместе и, наконец, красят готовые одеяния для церемонии, и все это за двадцать четыре часа. Этот подвиг они совершают в знак поклонения перед полностью вовлеченными членами сангхи.

Со временем, по тем или иным причинам, ретрит дождливого сезона стал распространяться за пределы самого сезона дождей. Полностью вовлеченные члены сангхи иногда оставались на одном месте и после того, как дождь заканчивался, возможно, для того, чтобы завершить напоследок какое-либо особенно трудное обсуждение Дхармы. Вероятно, за этим иногда следовал период интенсивной совместной медитации. В конце концов, они стали задерживаться так надолго, что приближался уже следующий сезон дождей, и они решали, что не добьются многого от одного-двух месяцев скитаний. Со временем их оседлость стала менее спонтанной, по мере того, как временные тростниковые хижины или шалаши из листьев заменялись более прочными жилищами. Так возникли монастыри, а полностью вовлеченные члены сангхи стали монахами.

Хотя полностью вовлеченные члены сангхи теперь в действительности постоянно были в ретрите, традиция ретритов сезона дождей продолжала соблюдаться, даже когда буддийский мир расширился до пустынных регионов Монголии, Тибета и Северного Китая, где вообще было мало дождей, не говоря уже о целом сезоне. Но, называлось ли это ретритом сезона дождей или летним ретритом, это обычно было время напряженных усилий. В некоторых странах возник обычай проводить постриг в конце ретрита, и последняя его часть непременно включала празднование *карттикапурнима*, полнолуния месяца Карттика или Дня Сангхи.

Традиционные категории Сангхи

Факт существования монахов и мирян, полностью и частично вовлеченных членов сангхи, показывает, что сангха – это не простое, однородное собрание. На самом деле, по самой своей природе сангха состоит из личностей с различным уровнем преданности и духовных достижений. Например, в ней можно выделить социальный, религиозный и духовный уровни.

Маха-сангха

На социальном уровне существует *маха-сангха*, великое собрание, называемое так, потому что оно обширно по размерам. Оно состоит из всех тех, кто, с какой бы то ни было степенью искренности, обращается к Прибежищу в Трех Драгоценностях и соблюдает большее или меньшее число этических наставлений. Это совокупность людей, принимающих духовные принципы или истины буддизма, независимо от их образа жизни, от того, монахи они или миряне, оставили ли они мир или во многом остались в миру и даже во многом остались «от мира сего». Таким образом, *маха-сангха* состоит и из полностью вовлеченных, и из частично вовлеченных членов сангхи, и даже из тех, кто является буддистом чисто номинально. Это наиболее обширный уровень сангхи.

Бхикишу-бхикишуни-сангха

Затем, на религиозном уровне, существует *бхикишу-бхикишуни-сангха*. Слово «сангха» иногда понимается как понятие, обозначающее исключительно сообщество полностью вовлеченных членов, что обычно подразумевает общину монахов или монахинь. Обозначения «монах» и «монахиня», несомненно, применимы ко многим полностью вовлеченным членам сангхи на всем протяжении буддийской истории. Нам трудно представить, как много их существовало в древних буддийских монастырях. До самого недавнего времени в Тибете монастырь с пятью сотнями монахов считался маленьким. Следовательно, в монастырях жило огромное количество бхикишу. Тем не менее, бхикишу-сангха никогда не было чисто монашеским орденом. Если мы собираемся использовать слово «монах» в контексте буддизма, нам нужно помнить, что у этого слова будет более широкое значение, чем у английского «monk».

Сегодня есть две основные ветви монашеских общин: ветвь Тхеравады в Шри-Ланке, Бирме, Тайланде, Камбодже, Лаосе и ветвь Сарвастивады в Тибете,

Китае, Вьетнаме и Корее. Между этими двумя великими традициями существует немного различий в образе жизни и правилах, соблюдаемых монахами. Однако стоит отметить, что тибетских лам не стоит путать с бхикшу. «Лама» означает просто духовный учитель; лама иногда бывает монахом, но это не обязательно, особенно в школах Нингма и Кагью. Япония – совершенно особый случай, потому что традиция посвящения в бхикшу, появившись там, впоследствии была утрачена и заменена посвящением в бодхисаттву.

Существуют также ордена монахинь, бхикшуни. Во многих частях буддийского мира эта традиция вымерла, еще до того, как она могла бы быть принесена в Тибет, поэтому ни в буддизме Тхеравады, ни в тибетском буддизме в настоящее время нет традиции женского монашества. Но посвящения в бхикшуни все еще проводятся во Вьетнаме, Китае и Тайване (сейчас часто обсуждается, что желательно возобновить традицию посвящения в бхикшуни более широко, и эта полемика частично затрагивает вопрос традиционного подчинения монахинь монахам). Монахини соблюдают примерно те же правила, что и монахи, и им воздаются (или, по крайней мере, должны воздаваться) те же почести, что и монахам.

То, что человек является бхикшу или бхикшуни, живет ли он или она в монастыре, является странником, отшельником или своего рода местным священником, само по себе не является знаком особой глубины в Обращении к Прибежищу. То общее, что объединяет всех членов монашеской сангхи, – это особый набор этических наставлений. Это сангха в религиозном смысле – группа людей, так сказать, отделенных от мира и объединенных в религиозную общину с общим образом жизни и особенно с общими правилами.

Послушники соблюдают только десять наставлений или тридцать два в некоторых традициях, но когда они получают *упасампаду*, полное принятие в общину, им приходится следовать ста пятидесяти правилам, и в некоторых частях буддийского мира эти сто пятьдесят правил в действительности соблюдаются¹⁷. Многие из этих правил больше не актуальны, поскольку были разработаны в особых условиях жизни бродячих монахов в северной Индии две с половиной тысячи лет назад, и их автоматически отбросили в более поздние времена.

Четыре самых важных правила известны как *параджики*. «*Параджика*» означает «поражение». Нарушив одно из этих правил, человек навсегда исключается из общины, и ему придется дожидаться следующей жизни, чтобы присоединиться к ней. Первая *параджика* заключается в том, что нельзя намеренно лишать жизни другое человеческое существо. Второе правило гласит, что нельзя брать того, что не дано, нечто, обладающее такой ценностью, что присвоение этой вещи может привести к судебной ответственности. Третье правило – воздерживаться от любой формы сексуальных отношений.

Эти три *параджики* довольно прямолинейны, а четвертое правило требует немного больше объяснений. Оно заключается в том, что нельзя ложно утверждать о каких бы то ни было духовных достижениях. Западным людям ничего не стоит

спросить у другого человека, достиг ли он Просветления или испытывал ли он *самадхи*. Но на Востоке считается невежливым разговаривать о любых личных достижениях с другими людьми, за исключением, возможно, самых близких друзей и собственных учителей.

Причина этого иллюстрируется отрывком из Палийского канона, в котором великий рассказывается об ученике Будды Шарипутре, который только что провел весь вечер в лесу, медитируя. Когда вечером он возвращается, он встречает Ананду, который замечает: «Твое лицо сегодня озарено чудесным светом. Чем ты занимался?» Шарипутра отвечает: «Я медитировал в лесу, но пока я медитировал, меня не посещала мысль о том, что я медитирую»¹⁸. Здесь он указывает на то, что, как только возникает подобная мысль, вы на самом деле уже не медитируете, потому что вы не продвинулись дальше уровня личного «я», субъективного «я». В каком-то смысле, вы медитируете только тогда, когда нет никого, кто бы делал это, когда это просто, так сказать, происходит.

Моггальяна комментирует это с помощью маленького каламбура. «Именно так говорят настоящие люди, – говорит он. – Они рассказывают суть или истинный смысл вопроса (*амтха* на пали), но не привносят себя (*амма*)». Напротив, большинство из нас, медитируем ли мы слегка или проявляем немного щедрости, всегда подмешивает к этому свое «я». Наши достижения мгновенно обесцениваются, когда мы думаем: «Я это сделал» или «У меня такое переживание».

Остальные правила вторичны по отношению к этим основным четырем, в том смысле, что, если кто-то нарушает их, он может искупить свою провинность, покайся в этих нарушениях своим собратьям-монахам. Следовательно, даже если человек является отшельником, он не должен полностью разрывать связи с большей сангхой. Ему может понадобиться регулярно отчитываться перед ней, чтобы почувствовать над собой отцовское око.

У буддийских монахов и монахинь есть различные обязанности. Их первая обязанность – изучать Дхарму и практиковать ее: они собираются, в первую очередь, для того, чтобы практиковать медитацию. Во-вторых, предполагается, что они должны подавать хороший пример мирянам. В-третьих, они должны давать проповеди и учить. В-четвертых, на них возложена ответственность защищать местную общину от неблагоприятных психических влияний. В культурах, где принимается как должное то, что мы окружены оккультными силами, традиционно верят, что, хотя некоторые из этих сил благотворны, другие несут зло, и что благодаря строгому образу жизни, медитациям и благословениям монахи способны изгнать эти вредоносные силы и не дать им нанести вред обычным людям. На Западе в подобных услугах нет большой потребности, но на Востоке это очень важная функция монахов.

И, наконец, предполагается, что монахи должны давать мирские советы. Но Востоке, если что-то идет не так – ваши дети попали в беду или у вас проблемы с деньгами, проблемы с алкоголем или соседями, мужем или женой – обычное дело

обратиться со своей проблемой к монаху и попросить у него совета. Благодаря тому, что у них самих нет подобных проблем, нет детей, жен или денег, от монахов, возможно, ожидают более объективного взгляда на ситуацию, взгляда постороннего наблюдателя на трибуне, который лучше видит футбольный матч, чем любой из игроков на поле.

Ученый Эдвард Конзе однажды сказал, что без монашеской общины у буддизма не было бы костяка. Определенно можно сказать, что, не будь полностью вовлеченных людей, мужчин и женщин, которые полностью преданы буддийской практике, не было ничего, чтобы бы позволило создать сангху. В Британии первые монахи появились еще до основания буддийских групп. Одним из первых в английской монашеской сангхе был Аллан Беннетт, получивший монашеское посвящение с именем Ананда Майтрейя в Бирме в 1902 году и вернувшийся в Англию в 1908-м¹⁹. Однако с тех пор на Западе устойчивое и быстрое разделение на монахов как полностью вовлеченных членов и мирян как частично вовлеченных членов во многом было разрушено, и в дальнейшем внимание к сангхе вышло за пределы любых разграничений по образу жизни. Это *духовная* община как таковая – *арья-сангха*.

Арья-сангха

Слово «арья» первоначально использовалось по отношению к группе племен, которые вторглись в Индию с северо-востока. Обозначая более высокий статус по сравнению с завоеванными племенами, слово «арья» стало означать «благородный» в более общем смысле, а затем, постепенно, приобрело духовное значение и таким образом стало также обозначать «святой». Следовательно, *арья-сангха* – это сообщество благородных или святых, тех, кто вошел в соприкосновение с запредельным, тех, кто обладает знанием о подлинной реальности вещей.

Поскольку она включает мирян, равно как и монахов, можно сказать, что арья-сангха составляет духовную иерархию, в отличие от чисто религиозной иерархии буддизма. Ее нельзя характеризовать в рамках какой бы то ни было формальной схемы или публичного, организационного устройства – она представляет собой промежуточное звено в иерархии между состоянием Будды и непросветленным человечеством. Его члены не обязательно связаны друг с другом на физическом уровне – они могут жить не только в разных местах, но и в разные времена – но те запредельные переживания или достижения, которые являются общими для них, объединяют их, выходя за пределы пространства и времени. То есть основополагающая характеристика – качество мудрости или проникновения.

Буддийский путь часто подразделяют на три основных элемента: этику, медитацию и мудрость²⁰. Все это следует развивать одновременно, но кульминацией является мудрость, поскольку этику и медитацию можно развивать без мудрости, в то время как мудрость можно развить не иначе, как на основе этики и медитации. В свою очередь, развитие мудрости (*праджни*), также делится на три составляющих²¹. Первый уровень – мудрость, проистекающая из слушания –

шрутамайи-праджня. Этот термин первоначально относился к устному учению, характерному для дописьменного общества, но подразумевается, что он включает любое знание и понимание, почерпнутое из книг, равно как и из бесед и лекций. Человек узнает о природе реальности или даже о природе проникновения в природу реальности. На этом уровне цель заключается в обретении ясного концептуального представления о том, каковы вещи на самом деле.

Второй уровень мудрости – мудрость, которая обретается посредством собственного обдумывания и размышления (*чинтамайи-праджня*). Услышав или прочитав что-нибудь о подлинной природе вещей, вы перебираете в уме то, что вы слышали, и таким образом начинаете серьезно размышлять об этом и – со временем – развиваете собственную способность проникать в суть. Так вы обретаете более глубокое понимание.

Третий уровень мудрости достигается посредством медитации (*бхаванамайи-праджня*). Эта мудрость далеко выходит за пределы любого интеллектуального понимания. Она не обретается размышлением, в ней нет ничего концептуального. На самом деле, только когда ум совершенно спокоен, может начаться возникновение подлинной мудрости в форме проблесков прямого проникновения. В сосредоточенном состоянии ума, которое возникает в результате медитации, истина или реальность могут блеснуть в уме напрямую, без посредства представлений, мыслей или даже ощущений об этой реальности или истине.

Арья-сангха состоит только из тех, кто пережил опыт этого третьего уровня мудрости. Однако в духовной жизни ничто не появляется сразу. Любое мастерство, будь то в нравственности, медитации или мудрости, обретается постепенно. Какие бы удары и толчки мы не переживали по временам в духовной жизни, настоящее продвижение медленно и систематично. То же самое и с опытом проникновения, а, следовательно, и с продвижением в качестве члена арья-сангхи, потому что даже среди этого возвышенного общества есть свои уровни достижения. Вы можете испытать их как не более чем ничтожный проблеск проникновения, если ваша медитация слишком слаба, чтобы поддерживать что-нибудь более мощное. Но если ваша концентрация в медитации более сильна, проблеск проникновения, возникнув, может быть настолько сияющим, что озарит глубины реальности. Именно в соответствии с различной степенью интенсивности проникновения выделяются различные виды *арья нудгала* (святых или благородных).

Но как можно измерить эти различные степени проникновения? Традиционно есть два способа: субъективный и объективный. С субъективной точки зрения, проникновение измеряется по числу «оков», которые оно разрывает. Мы рассмотрим этот подход в начале следующей главы. С объективной точки зрения, оно измеряется согласно числу перерождений, которые осталось прожить тому, кто обрел этот уровень проникновения. Именно эта система измерения используется в определении Сангхи в «Тиратана Вандане», восхвалении Трех Драгоценностей, которое читают буддисты по всему миру. В третьей части этого текста Сангха характеризуется как «продвигающаяся со счастьем», «прямо продвигающаяся», «методично продвигающаяся» и «правильно

продвигающаяся»²². Далее провозглашается, что Сангха состоит из людей, находящихся на четырех различных уровнях духовного развития. У каждого из этих уровней есть свое название:

1. Вошедший в поток или *шротананна* – это тот, кому больше не нужно, так сказать, бороться с течением. Он или она уже не сорвется с пути духовного продвижения, и говорится, что такой человек достигнет полного Просветления не больше чем за семь перерождений.

2. Однажды возвращающийся (*сакрдагамин*) – тот, кто обретет Освобождение еще за одну жизнь.

3. Невозвращающийся (*анагамин*) – тот, кому совсем не придется возвращаться в человеческое измерение. Он переродится в так называемых «чистых обителях» (*шуддхаваса*), на вершине измерения чистой формы, *рупадхату*. Именно там он обретет нирвану.

4. Архат (что значит просто «достойный почитания») – это тот, кто уже достиг цели.

Эти чисто духовные разновидности составляют арья-сангху. Но Будда также описывал арья-сангху в более красочных терминах. Сравнивая монашескую общину с великим океаном, он говорил, что, как в огромном океане водятся всевозможные гигантские существа, так и в сангхе есть свои духовные исполины²³. Эти глубоководные создания, так сказать, составляют арья-сангху.

Несомненно, более обширной сангхе полезно регулярно общаться с этими исполинами, и, должно быть, именно это предвидел Будда, когда наставлял сангху в необходимости собираться вместе в большом количестве и регулярно. Если вы привыкли жить и работать в небольшой местной буддийской общине, хорошо время от времени получать представление о масштабе сангхи в целом и видеть собственную жизнь и работу в гораздо более обширном контексте. Если вы привыкли быть большой рыбой в маленьком пруду, полезно время от времени почувствовать себя килькой в огромном океане. Иногда вам даже удастся обрести проблеск того, что значит быть настоящим гигантом, хотя, конечно, не всегда просто сказать, кто в сангхе мелкая рыбешка, а кто – кит.

Иерархия бодхисаттв

Духовная иерархия внутри арья-сангхи описывается в Палийском каноне, собрании записей учений Будды²⁴. Палийский канон принимается всеми школами, а в школах Тхеравады в Шри-Ланке, Бирме и Таиланде считается, что он составляет всю буддийскую каноническую литературу. Остальные буддийские писания объединяются под общим названием «буддизм Махаяны», который иногда называют «развитым» буддизмом. Он распространен в Тибете, Китае, Японии, Корее, Вьетнаме и ряде других азиатских стран, а в наши дни и на Западе. «Махаяна» означает «великий путь», а те школы, которые не приняли писания Махаяны, были названы – хотя, естественно, не ими самими – Хинаяной или «малым путем».

Представление об арья-сангхе принадлежит к числу основных представлений и вероучений, общих для всех различных школ. Но Махаяна добавляет к этой основной классификации дальнейшую иерархию. Это иерархия Бодхисаттв, тех, кто стремится не к собственному, индивидуальному освобождению от страданий, а к идеалу Бодхисаттвы – Просветлению не только ради себя, но ради блага всех живых существ²⁵.

Что касается арья-сангхи, есть четыре уровня бодхисаттв – согласно числу уровней их развития (известных как *бхуми*), которые они прошли.

1. Бодхисаттва-новичок (*адикармака-бодхисаттва*) – тот, кто принял со всей искренностью идеал бодхисаттвы, но еще не достиг первой ступени пути или какой-либо степени запредельного проникновения.

2. Бодхисаттвы «на пути» – это те, кто продвигаются на уровнях от первого до шестого *бхуми*.

3. Необратимые бодхисаттвы – это те, кто достиг седьмого *бхуми* (из десяти). Точно так же, как Вошедшие в поток не могут сорваться в низшие уделы существования, необратимые бодхисаттвы не могут обратиться к поиску цели индивидуального Просветления – меньшего достижения, с точки зрения Махаяны: они постоянно поддерживают движение к Просветлению на благо всех живущих.

4. Бодхисаттвы «*дхармакайи*». Это несколько трудная для понимания концепция, имеющая отношение к тому, что можно отнести к персонифицированным аспектам самого состояния Будды. Точно так же, как белый цвет можно расщепить на семь цветов спектра, видимых в радуге, чистый белый свет Просветления можно расщепить, так сказать, на различные цвета, то есть на различные аспекты Просветленного ума: любовь, мудрость, свободу, знание и так далее. Если Будда – это олицетворение самого Просветления, бодхисаттвы *дхармакайи* представляют собой олицетворения индивидуальных аспектов этого Просветления.

Две иерархии арья-сангхи и четыре уровня пути бодхисаттвы, несомненно, в некоторой степени пересекаются: в некоторых текстах Махаяны «вошедшие в поток» упоминаются как бодхисаттвы Хинаяны.

Таким образом, сангха – это духовное сообщество, существующее на различных уровнях, от социального и религиозного до высочайшего духовного уровня. И вы обращаетесь к Прибежищу в Сангхе, присоединяясь к ней на том уровне, на котором способны. Прежде всего, вы можете присоединиться к *маха-сангхе*, будучи членом буддийской общины в чисто формальном, внешнем смысле. Во-вторых, вы можете присоединиться к ней на религиозном уровне, уровне большей преданности, получив посвящение. В традиции тхеравадинов пройти посвящение означает стать монахом, но в Махаяне посвящение бодхисаттвы в принципе существует как для монахов, так и для мирян, хотя на практике выходит, что слово «сангха» часто используется в отношении только монахов. В общине, которую основал я, есть только одно посвящение, независимо от образа жизни или

пола. В-третьих, вы можете присоединиться к сангхе на уровне арья-сангхи или сангхи бодхисаттв благодаря своим духовным достижениям. Давайте продолжим и посмотрим, что на самом деле влечет за собой такое достижение.

Глава 3.

Личность: сущность сангхи

До сих пор я говорил об общих принципах сангхи в контексте традиции и истории, описывая, как возникли ее основные институты и представления о ней. Теперь мне хочется заглянуть дальше этих формальных установлений и представлений и попытаться определить более глубокие принципы духовного сообщества, не зависящие от какого бы то ни было традиционного буддийского контекста.

Термин «арья-сангха» обычно переводят как «Сангха благородных или высших», но я предпочитаю передавать санскритское слово «арья» словом «личность». Четыре типа личностей, о которых упоминает «Тиратана Вандана», называются именно так – личностями. Там используется выражение «*пурисануггала*» – «люди, которые являются личностями». Духовное сообщество в своей сути состоит из личностей. Там, где собираются те, кто не являются личностями, не может быть духовного сообщества, только группа.

Я преподнес эту идею о том, что некоторые люди находятся на совершенно ином уровне развития, чем другие, в довольно резкой форме, но она совершенно фундаментальна для буддийской мысли. Крайне важно, чтобы мы оценили, насколько существенно это различие между личностями и не-личностями. Развитие подлинной индивидуальности – это сравнительно недавнее развитие в масштабах мировой истории, и мы определенно не должны принимать это как нечто само собой разумеющееся.

Что такое личность? Во второй части книги мы рассмотрим различные ответы на этот вопрос. Но давайте начнем с традиционного буддийского ответа, который обычно излагают в рамках десяти оков, которые нужно разорвать для того, чтобы обрести окончательную свободу²⁶. Среди них, с нашей точки зрения, наиболее важны первые три. Если они разорваны, ваше постоянное продвижение к Просветлению обеспечено, и вы становитесь Вошедшим в поток, членом (хотя и на самом скромном уровне) духовного сообщества в высочайшем смысле. Короче говоря, вы становитесь подлинной личностью. Нужно подчеркнуть, что эта цель, которую может достичь любой серьезно практикующий буддист.

Первые оковы – «*саткая-дристи*». «*Сат*» означает истинный или настоящий», «*кая*» означает «тело», «*дристи*» - «воззрение», и все выражение переводится обычно как «вера в индивидуальность». Это вера в то, что нынешняя индивидуальность человека, его я, так сказать, здесь и сейчас, окончательно, устойчиво и неизменно – оно является абсолютным фактом. Эта вера – первые оковы, которые препятствуют развитию человека как личности.

Саткаю-дристи часто объясняют, особенно на Западе, в чисто философских терминах, как будто она заключается в принадлежности к определенной школе мысли и имеет отношение к природе «я», но на самом деле это отнюдь не так. Эти оковы заключаются в том, что человек придерживается одного из двух крайних

воззрений. Одно из них – это вера в то, что «я» продолжает существовать после смерти как сущностное единство, своего рода духовный бильярдный шар, рикошетом несущийся по Вселенной, независимо от того, верите ли вы в то, что «я» отправляется на небеса или перерождается. Другая крайность – вера в то, что «я» исчезает вместе со смертью физического тела. Буддийское воззрение на «я», в отличие от обоих предыдущих, заключается в том, что разные психологические и духовные процессы, которые во всей своей сложности составляют личность человека, продолжают существовать после смерти, но в основе этого потока психических событий нет никакой неизменной сущности.

Однако эти оковы – скорее глубоко укорененное отношение, чем интеллектуальное представление. Его можно рационализировать в терминах философии, но по сути это большей частью бессознательное отношение – в действительности, оно гласит: «Я – то, что я есть, и с этим ничего нельзя поделать». Если у меня дурной нрав, что ж, так оно и есть: с этим ничего не поделаешь – это заложено в моей природе. Я родился таким и должен с этим жить. И да, думаю, другим также придется с этим жить. Таким уж создал меня Бог. Кто мы такие, чтобы заигрывать с божьим замыслом? Вы должны принимать меня таким, каким встретили, без прикрас.

Даже если мы все-таки признаем необходимость менять себя, мы можем думать об этом только как о чем-то искусственном. Если мы попытаемся представить себя изменившимися коренным образом и затем внимательно посмотрим на это воображаемое «я», мы обнаружим, что оно сохраняет в своей основе поразительное, детальное сходство с тем, каковы мы сейчас. Чтобы действительно представить себе, что коренные изменения возможны, нам нужно отпустить любое представление, которое есть у нас о нас теперешних.

Подлинная личность знает, что продвижение любого рода подразумевает изменение, и это изменение означает, что нечто должно уйти, нечто должно умереть – вы должны умереть. Для создания нового «я» необходима смерть старого «я». Это единственный путь. Личность радостно понимает эту смерть как необходимое условие роста.

Вторые оковы – «*вичикитса*» – обычно переводится как «сомнение», «растерянность», «неуверенность» или «скептицизм». И снова нас здесь интересует не интеллектуальная позиция. *Вичикитса* имеет намного больше отношения к воле, чем к интеллекту. Это скорее не интеллектуальная неуверенность, а эмоциональная неспособность верить чему-либо, нежелание принять решение, довести мысль до конца. Это сопротивление тому, чтобы вложить сердце в то, что ты делаешь. Это не то благородное сомнение, о котором говорит Теннисон:

*В благородном сомнении больше веры,
Поверь мне, чем в половине вер²⁷.*

Вичикитса – это недостаток объединения. Человек в буквальном смысле не личность, а неопределенная масса «я». Из этой совокупности «я» выбивается одно, чтобы привести всего «человека» к решению, а на следующий день другое «я»,

обдумав его лучше, изменяет это решение. Одно из «я» полно энтузиазма по отношению к чему-то, но на его место приходит другое «я», которое недоумевает, из-за чего вся эта суеда. Так одно «я» сменяет другое, подобно тому, как волны захлестывают берег настоящего состояния ума.

Все мы знакомы с подобным положением дел, но оно особенно очевидно для тех людей, которые медитируют. Одно «я» хочет медитировать, другое не хочет. Одно «я» продолжает медитировать, таща за собой все другие «я», противящиеся следовать за ним, но постепенно оно ослабевает и сдается, покоряясь неразберихе остальных «я» (которые с технической точки зрения называют «отвлечениями»), и они, если им это удастся, приводят к тому, что медитации вообще наступает конец. Так мы отдаемся на волю волн во время медитации. Так мы плывем по жизни, и нас тащит то туда, то сюда, то в том, то в другом направлении. Как начинает понимать Ричард II у Шекспира, пустая трата времени – то, что лишает нас целостности:

*Я долго время проводил без пользы,
Зато и время провело меня*²⁸.

Только индивидуальность, целостный человек, единая личность, может вверить себя чему-то настолько, чтобы на самом деле продвигаться по духовному пути.

Третьи оковы – «*шилаврата-парамарша*» – буквально «цепляние» (*парамарша*) за моральные правила (*шила*) и религиозные обеты (*врата*). Это не означает «привязанности к религиозным ритуалам и церемониям», как это выражение было впервые переведено на английский в конце XIX в. Это было время великого противостояния ритуалам: приверженцы Оксфордского движения пытались вновь привнести старые католические ритуалы в англиканскую церковь, но им яростно противостояло более протестантское крыло церкви. По-видимому, первые переводчики Палийского канона не могли не принять эти оковы за некое движение против ритуалов и сочли Будду предвозвестником протестантизма или даже ранним рационалистом, противостоящим более красочной стороне религии – но этот взгляд на Будду противоречит очевидным фактам. На самом деле, это оковы зависимости от этических правил и религиозных предписаний как *самоцели*.

Даже если мы переводим палийский термин правильно, его все еще легко неверно истолковать. Этические и религиозные предписания сами по себе никоим образом не являются оковами сами по себе. То, что препятствует нам, – наша зависимость от них, отношение к ним как к цели, а не как средству обретения Просветления. Другими словами, нам мешает условная мораль и условная религия. Часто считается, что идея о том, что это может нас сковывать, – особое дзенское представление, но она лежит в основе буддизма в целом и даже в основе христианства: как сказал Иисус, «суббота для человека, а не человек для субботы»²⁹. Подобно этому, этика и практики нужны для того, чтобы мы их использовали, но не они управляли нами.

Почему мы всегда упускаем это из виду (потому что нам до некоторой

степени это присуще, если мы не вошли в поток)? И снова, здесь нас интересует не сознательно поддерживаемое воззрение, а бессознательное эмоциональное отношение. Мы имеем дело с тем фактом, что мы склонны чего-то желать от нашей духовной практики – чего-то, что не имеет никакого отношения к ее истинной цели. Часто мы получаем в результате своей практики какой-то статус в группе, меру принятия другими людьми, уважение, безопасность, чувство принадлежности. Это явление широко известно в любой духовной традиции, доминирующей в той или иной культуре. На Западе долгое время считалось добродетельным обязательно посещать церковь, и от того, хотите ли вы туда, зависела ваша репутация в обществе. На самом деле, люди обычно ходили в церковь как раз для этого – не для того, чтобы поклониться Богу, а для того, чтобы создать благоприятное впечатление о себе.

Но, даже если вы просто посещаете маленькую буддийскую группу, которая, возможно, никак не связана с вашим условным социальным положением, спустя какое-то время вы можете обнаружить, что ходите туда главным образом за позитивной, дружественной атмосферой. Несмотря на ваши лучшие устремления, вы пройдете через желание медитировать, вверяться чему-либо, изучать, обрести духовных друзей и так далее, для того, чтобы в некотором роде самоутвердиться, чего, глубоко внутри себя, вы на самом деле и хотели получить от групповых встреч. Для того чтобы разорвать эти оковы, нужно относиться ко всем этим практикам и видам деятельности, как бы важны они не были, как к средству достижения определенной цели, которая заключается в нашем развитии как личности.

Таковы три первые оковы³⁰. Далее, Однажды возвращающийся – это тот, кто ослабил четвертые и пятые оковы, а Невозвращающийся – тот, кто освободился от дальнейших человеческих перерождений, разорвав все оковы. (Архат разрывает также и пять последующих, но нам нет необходимости в это углубляться, поскольку они имеют мало отношения к нам, каковы мы сейчас, непосредственно).

Четвертые и пятые оковы – это *кама-рага*, желание чувственных ощущений, и *вьяпада*, гнев или враждебность. Эти две оковы гораздо более тяжелы, чем первые три, более глубоко укоренены. На самом деле, они действительно опутывают нас очень крепко, и размышления о том, что даже столь духовно развитые люди, как Вошедшие в Поток, все еще связаны ими, по крайней мере, на тонком уровне, производят отрезвляющее действие. Немного воображения – и мы поймем, каким образом даже «однажды возвращающийся» только ослабляет – не разрывает – эти оковы. В случае с четвертыми оковами, стоит только представить, каково было бы внезапно ослепнуть, скажем, – не видеть свет и мириады деталей зримого мира вокруг нас, которые мы принимаем как должное, – осознать, с какой невыразимой жадью человек будет желать увидеть этот мир. Или, предположим, вы внезапно оглохли и погрузились в мир полной тишины, где нет голосов, нет музыки, нет постоянного звукового фона, напоминающего вам, что вы разделяете этот мир с другими живыми существами. Вам захочется снова обрести этот контакт с миром, вы будете страстно желать услышать хотя бы самую простую музыку,

более чем чего-либо в мире. То же самое справедливо и по отношению к миру прикосновений и даже вкусов.

Страстное желание, которое возникло бы, лишись мы всего нашего чувственного опыта, почти в буквальном смысле невообразимо. Но именно это происходит во время смерти. Ум отрывается от этих вещей и оказывается в пустоте, которая поистине ужасна для тех, кто все еще хочет поддерживать связь с внешним миром посредством пяти органов чувств. *Кама-рага*, таким образом, – это то, что побуждает сознание человека искать выражение в форме другого, основанного на ощущении, существования, и из этого следует, что, разорвав эти оковы, человек становится «невозвращающимся».

Что касается оков гнева или враждебности, почти невозможно представить существо, в котором не было бы ни малейшей неудовлетворенности, раздражения, негодования, нетерпения или черного юмора: эти состояния постоянно маячат где-то на заднем плане нашего существования. И это еще не считая наших более заметных вспышек гнева, которые берут начало в, по-видимому, бездонном источнике враждебности внутри нас.

Но, даже если мы пока не способны разорвать эти оковы, мы можем помнить о них и о необходимости ослаблять их посредством практики медитации, в которой мы пытаемся, по крайней мере, временно, отрешиться от чувственного опыта и также избавиться от собственной враждебности (последняя является объектом особого внимания в практике *метта-бхаваны*, развития универсальной любящей доброты)³¹.

Теперь у нас есть традиционный ответ на вопрос о том, что делает человека *арьей*, то есть делает его личностью. Если вы личность – вы готовы к изменениям, готовы отпустить любое устойчивое представление о себе, готовы даже к смерти. Вы достаточно целостны, чтобы полностью вверить себя чему-либо, и не смешиваете средства и цели. Именно такое отношение необходимо развивать, если мы хотим разорвать первые пять оков и достигнуть «вхождения в поток». Более того, личность осознает влияние, которое оказывают на наш ум чувственные переживания, и необходимость уменьшить это влияние посредством практики простоты, довольства и медитации. Личность пытается осознавать негативные эмоции, не выплескивая их и не причиняя никому вреда, и упорно старается развивать положительные эмоции.

Это один из способов определения личности, и его достаточно, чтобы дать нам относительное представление о том, как я собираюсь использовать это слово. Мы рассмотрим другие представления о личности и другие аспекты индивидуальности во второй части этой книги. Сейчас же мы сосредоточимся на отношениях между личностью и духовным сообществом, отношениях, которые начинаются с развитием личности, относительно недавним для нашей человеческой истории. Давайте рассмотрим развитие личности – и духовного сообщества – с исторической перспективы.

Глава 4.

История духовного сообщества

История – рискованное предприятие, у истории как у попытки быть объективным по отношению к тому, что случилось в прошлом, нет никакой надежды на успех. Недвусмысленные факты встречаются редко. Действительно ли король Альфред сжег те пироги? Никто этого не знает. Действительно ли король Джон потерял свои драгоценности в заливе Уош? Никто этого не знает. Действительно ли король Ричард III расправился с теми двумя маленькими принцами в Тауэре? И снова, никто этого не знает. Историки все еще спорят над этими вещами. Даже если согласие относительно фактов достигнуто, доверчивого историка поджидают новые ловушки. Школьники больше не думают, что «география – это о картах, а история – о парнях». История больше не является «продленной тенью человека». Есть множество альтернативных точек зрения. Можно сделать огульные обобщения или предпринять узкоспециализированное исследование данных. Можно подойти к исследованию с социальной, культурной, экономической или феминистской точки зрения, и это может открыть совершенно разные и даже противоположные взгляды на эту и иные сферы изучения.

Но, высказав это напоминание о том, что, говоря об истории, нам нужно быть осторожными, теперь я собираюсь отбросить осторожность и описать историческое видение в целом. Я сознательно использую слово «видение», потому что хочу передать несколькими широкими мазками ясное общее впечатление. Конечно, такие обширные обзоры истории, как и все иное, появляются и исчезают. Гегель рассматривал историю как прогрессивное проявление Духа, более того, как процесс, который двигался с Востока на Запад, из Древнего Китая в современную Америку³². Вслед за Гегелем, Карл Маркс представил историю в терминах экономики и классовых конфликтов и выделил в ней четыре больших этапа – теократию, феодализм, капитализм и коммунизм – в соответствии с тем, кто контролирует средства производства.

Затем появился Тойнби со своим видением подъема и упадка цивилизаций, перечислявший более двух десятков отдельных цивилизаций, одни из которых сохранились только в форме памятников, как это стало с Египтом, в то время как другие, например, индуизм, все еще борются за существование, а третьи, как Тибет до китайского вторжения, существуют только в форме, которую Тойнби называл «окаменелой» (хотя большинство буддистов не согласились бы с данным утверждением)³³. Ни одно из этих видений истории не выдержало в полной мере испытания двадцатым веком, а последняя попытка Фрэнсиса Фукуямы предсказать конец истории выглядит несколько преждевременной³⁴.

Однако философ-экзистенциалист Карл Ясперс (1883-1969) в своей концепции «осевых эпох» позволяет нам проникнуть в историческое возникновение широко разбросанных примеров радикально индивидуализированных сознаний, которое невозможно игнорировать в любом обсуждении человеческого идеала личности³⁵. Начиная с этого момента, мы

сделаем краткий исторический обзор духовных сообществ, то есть того, как личности организуют себя на коллективной основе.

История человечества как вида насчитывает сотни тысяч, даже миллионы лет. Большую часть этого времени обычно называют просто доисторической эпохой. Возникновение собственно человеческого сознания впервые привело к тому, что вид невозможно было определить в рамках чистой биологии. Собирающие корни, фрукты и семена, а позднее охотничьи игры разбросали семейные группы или племена первобытных людей, блуждающих по миру, который был намного меньше нашего собственного. Их видение прошлого и будущего не отличалось обширностью, а представления о мире вокруг них сводились к непосредственному окружению. Что они осознавали, так это непосредственный опыт, здесь и сейчас. То, что они знали, они знали напрямую и лично. Они оставались в большем или меньшем неведении относительно всего, не имеющего отношения к выживанию, хотя об этом они знали действительно очень хорошо. В то же время, поскольку они были столь малочисленны, природный мир, в котором они блуждали, должно быть, казался им ужасающим в своей огромности.

Они бродили в лесах и саваннах, устраивались в пещерах или дырах в земле, или среди корней деревьев. Они не использовали ничего, унаследованного из прошлого, – ни домов, ни деревень, ни мостов, ни дорог, ни даже троп и хижин. Не было никаких законов, никакого авторитета, кроме авторитета главы семейства. Не было механического ощущения потока времени, с которым можно было бы соотнести переживания, – люди просто видели, как встает и садится солнце и сменяются времена года. На голых ветках набухали почки и раскрывались навстречу свету свежие листья, а затем можно было наблюдать, как те же листья желтеют и опадают на землю. Эти изменения сопровождались изменениями в температуре и в том, каким образом нужно было добывать пищу. Но люди не знали ничего о прошлом, ничего из истории. Они знали своих родителей и родителей своих родителей, своих детей и внуков, но за пределами этого все было окутано туманом. Они не знали ничего о других человеческих существах, живущих в другие времена или в других местах. «Знания» в нашем смысле слова вообще не существовало. Первобытный человек пребывал в неведении и, насколько мы знаем, в счастливом неведении. Нам трудно представить себе подобное – нам это время кажется очень и очень отдаленным.

Однако в каком-то смысле оно вовсе не так далеко от нас. Доисторический период, в сущности, сопоставим с историей самого человечества. Десять–двадцать тысяч лет современного, исторического человечества – это не более чем точка по сравнению с долгими и извилистыми периодами нашего развития в палеолите и неолите. На самом деле, мы все еще живем на краю Каменного века. Почти все, что мы ценим, – высокая культура, цивилизация, литература, наука и технология, работа и отдых – было совершенно неизвестно нашему виду на протяжении практически всей его истории. Наши корни действительно очень глубоки. Почти все наше существование в качестве вида мы были примитивны и невежественны, и, если заглянуть поглубже, все еще таковы. На самом деле, многое из того, что нас

бессознательно обуславливает, берет начало в тяжестях примитивной жизни.

Эти почти невообразимые и почти совершенно пустые пространства доисторического периода иногда более поэтично описываются как «век Прометея», по имени полубога, который, согласно греческому мифу, украл огонь с небес, чтобы им пользовалось человечество. Помимо использования огня, первобытные человеческие существа делали каменные орудия труда и заложили основы языка и религии. Великие космические или природные мифы зародились в конце этого периода, а вместе с религией появилось искусство, которое до самых недавних пор было неотделимо от религии.

Затем внезапно – и это было, если сравнить, довольно неожиданно – около двадцати тысяч лет назад этот вид, некогда состоящий из охотников и собирателей, начал обрабатывать почву, сажать семена и собирать урожай. Вместе с развитием сельского хозяйства бродячая жизнь в некоторых районах уступила место деревенским поселениям, а со временем маленьким и даже большим городам, особенно в Азии и Северной Америке, на великих долинах в поймах Нила, Тигра и Евфрата, Инда и Ганга, Хуанхэ и Янцзы. Сельское хозяйство способствовало развитию предусмотрительности: обработка почвы для получения урожая была обдуманной деятельностью, а не спонтанным импульсом, и, следовательно, это был первый шаг к цивилизации.

Уровень развития увеличивался в геометрической прогрессии, и Каменный век быстро сменился Бронзовым и Железным веками. Были изобретены алфавиты, люди начали записывать историю и литературу своего рода, овладели основами геометрии и астрономии, обрели очертания правительство, управление, закон, а торговля, войны и состязания распространили эти достижения на большие территории. Мифы о плодородии заменили старые космические или природные мифы. Этот период в целом известен как век сельского хозяйства, век пойменных долин или век божественных царств.

Затем, около двух с половиной тысяч лет назад, произошел еще один важный сдвиг в сознании, который Карл Ясперс назвал «осевым временем», когда появились великие религии, а также ряд великих империй. Мы можем обозначить еще одну революцию, начавшуюся около пятисот лет назад – Научно-технологический век или Век беспокойства. Но ключевым моментом в развитии человеческих существ, моментом, в который вид впервые в полной мере осознал свой уникальный потенциал, был Осевой век.

Этот термин, придуманный Ясперсом, берет начало у Гегеля, который в своей «Философии истории» говорит об оси истории, точке, в которой вся человеческая история принимает новое направление³⁶. Для него такой точкой было появление Христа, но, как отмечает Ясперс, такая интерпретация может иметь смысл только для верующего христианина. Если у истории на самом деле есть ось, она должна оказаться рядом обстоятельств, которые были значимы для каждого. Для того чтобы быть достаточно убедительной в качестве исторической системы отсчета для всех, такая осевая точка не должна поддерживаться авторитетом какой

бы то ни было религии.

Ясперс находит этот решающий поворотный момент в духовном подъеме, которому он отводит временные рамки между 800 и 200-м годами до н. э. По всему миру, или, по крайней мере, в самых развитых частях мира, человечество, по видимому, внезапно начало пробуждаться от многовекового сна. В это время рождаются личности, чьи достижения и взгляды на мир оказали глубокое влияние, непосредственное или косвенное, почти на всю человеческую расу. Даже спустя 2500 лет имена многих из этих личностей все еще почитаются и широко известны, а их работы по-прежнему ценятся, к ним обращаются за советом и обсуждают их.

«Собрание высказываний» Конфуция (551-479 гг. до н. э.) – документ, который, вероятно, все еще оказывает величайшее влияние на китайский менталитет, в то время как «Дао-дэ-дзин», составленный гораздо более загадочной фигурой – Лао-цзы (?604-?531), неизменно популярен во всем мире. Эти два человека – лишь самые известные среди ряда китайских мудрецов, в числе которых – Мэн-цзы (372-289 гг. до н. э.) и Чжуан-цзы (около 350-275 гг. до н. э.). Индия может похвастаться целой плеядой мудрецов, которым принадлежит мудрость учений Упанишад, а также основателем джайнизма, Махавирой, и, конечно, Гаутамой Буддой. Примерно в то же время Персия удостоилась появления Зороастра или Заратустры (628-551), который, как нам известно, основал или возродил Зороастризм, веру парсов. Она стала религией Персидской империи и оказала мощное влияние на семитские монотеистические религии: иудаизм, христианство и ислам.

В крошечной стране Палестине появились на свет великие иудейские пророки: Амос и Исая, Иеремия, Второисая и ряд других, чьи глубокие нравственные откровения гораздо позже были развиты Иисусом из Назарета и до сих пор находят отклик во всем западном мире.

И, наконец, в Греции в это время наблюдался взрыв философской, духовной и художественной активности, не имеющий аналогов ни в прошлом, ни в будущем. Согласно известному, хотя и несколько дерзкому, высказыванию А. Н. Уайтхеда, западная философия – немногим больше, чем ряд примечаний к Платону³⁷. Платон был учеником Сократа и учителем Аристотеля, чьи работы были решающими для средневековой мусульманской и христианской мысли. Но эти три человека представляют собой лишь высочайшую точку в сложной философской традиции.

Эпическая поэзия Гомера, лирическая поэзия Пиндара, басни Эзопа, поэтическая драма Софокла, Еврипида и Эсхила, комедии Аристофана, скульптуры Фидия и Праксителя представляют собой наиболее утонченные творения искусства, оставшиеся до наших дней от невероятно богатой культуры, которая также произвела на свет первых современных историков, Геродота и Фукидида, и врача Гиппократ, чья клятва медицинской этики все еще используется западными врачами в наши дни. И, наконец, Фалес, Анаксимандр, Пифагор, Архимед и Эвклид были лишь немногими из греческих мыслителей, совместно разработавших принципы математики и научного метода, которые два тысячелетия спустя стали

основой еще одного интеллектуального взрыва, в результате которого появился известный нам современный мир.

Простое перечисление этих имен с очевидностью показывает, что, как отмечает Ясперс, «в это время зародились фундаментальные категории, в которых мы думаем и сегодня, и были созданы начала мировых религий, которыми все еще живут человеческие существа». Ясперс продолжает: «Мифы были видоизменены и поняты с новой глубиной во время этого перехода, что было мифотворчеством по новому образцу в тот самый момент, когда миф как целое был разрушен... Человек больше не замкнут в самом себе. Он становится неуверен в себе и, следовательно, открыт новым и безграничным возможностям... Впервые появились *философы*. Человеческие существа осмелились относиться к самим себе как к личностям»³⁸.

Когда мы задаемся вопросом, что общего у этих совершенно разных личностей, ответ очевиден. Это не просто наиболее плодовитые фигуры – основатели религий, школ мысли или форм художественного выражения. Несомненно, они не думали о себе в таком ключе, даже несмотря на то, что, оглядываясь на то, что стало итогом их жизни, мы можем увидеть, что многие из них так или иначе стали основоположниками. Нет, то, что у них было общего, – это то, что они были подлинными личностями. Они выделяются из человеческой массы не потому, что они ею управляли, руководили или поработщали ее, но по тому признаку, что они из себя представляли. Несмотря на то, что нас разделяют тысячелетия, мы признаем за ними ясно очерченную индивидуальность и, следовательно, можем в некотором роде вступить с ними в личное взаимодействие. Они символизируют собой новое качество человеческого существа, которое до этого периода просто не обнаруживало себя. Они мыслили независимо. Они не зависели психологически от группы. Они могли, если это было необходимо, остаться в одиночестве.

Историческое развитие духовных сообществ

В результате этой новой, так сказать, мутации, мы обнаруживаем, с точки зрения духовности, две силы, с этого времени работающие в противопоставлении друг другу на протяжении истории: группу и личность. К этим двум силам следует добавить третью – духовные сообщества. Поскольку для личности в целом свойственно вступать в отношения с другими личностями или прото-личностями, мы обычно обнаруживаем, что они работают в контексте духовных сообществ.

Так, в Древней Греции появился ряд философских школ – милетская школа, школа Платона, неоплатоники, стоики, эпикурейцы. Их не стоит представлять как научные школы мысли в современном смысле. Они основывались как духовные общины – по крайней мере, в некоторых отношениях, – состоящие из учителей и учеников, занятых совместными поисками истины. На самом деле, школа одного из самых влиятельных греческих мыслителей, Пифагора, была известна за ее пределами как мистическое общество. Подобные духовные сообщества возникли повсеместно в греко-римском мире.

В Палестине в то же самое время такие общины, как ессеи, создали почву, в которую Иисус из Назарета посеял зерна своих учений, а впоследствии христианские общины распространились по всему Средиземноморью. Кроме того, около третьего века н. э. общины манихеев, последователей пророка Мани, появились на территории современного Ирака и Ирана, а несколько позже в той же области и за ее пределами возникли различные суфийские общины. В это время в Индии распространялась буддийская сангха, а в меньшей мере – и сангха джайнов. Можно было бы предположить существование духовных общин и в Китае, но до формирования буддийской сангхи во II веке н. э. такую роль можно отвести лишь ученой элите.

Три традиции духовных сообществ были важны и все еще очень важны, если судить по числу людей, вовлеченных в них, времени их существования и влиянию их в мире. Это буддийские, суфийские и христианские общины. Среди них наиболее долго существует буддийская сангха. Не все понимают, что буддийская сангха – это, так сказать, классическая форма духовной общины. Буддисты основали духовную общину с самого начала, а не придумали позже. На самом деле, можно сказать, что буддизм – духовное сообщество по своей сути. Сангха – это неотъемлемая часть Трех Драгоценностей на всех уровнях. Она существует в двух главных формах, как мы видели, – Хинаяны (или, вернее, Тхеравады) и Махаяны. Духовное сообщество Тхеравады чаще всего отождествляют с монашеской общиной, но в странах Махаяны, где главным объединяющим фактором с исторической точки зрения являются не столько Три Драгоценности, сколько идеал Бодхисаттвы, ее отождествляют в равной степени с монахами и мирянами.

Суфийские семьи, духовные общины или братства, хотя и рассыпанные по всему мусульманскому миру, имеют в лучшем случае отдаленную связь с ортодоксальным исламом. Аль-Газали – это, вероятно, самый выдающийся и известный из всех мистиков суфизма. Суфизм позаимствовал свои идеи из неоплатонизма, манихейства и даже индуизма и буддизма и, следовательно, с точки зрения ортодоксального ислама суфии часто рассматривались как еретики, а некоторые даже были казнены за свои еретические заявления. Однако суфийские общины продолжают питать исламский мир вплоть до наших дней.

Начало формирования христианской ветви духовных сообществ, христианских церквей, туманно и противоречиво, но в IV в. христианство стало официальной религией всей Римской империи, и, следовательно, фактически перестало существовать как духовная община. Оно стало частью «группы», религиозным крылом государства. Со временем оно стало политической силой, утверждающей собственную власть и имеющей свою сферу влияния и контроля. С течением веков оно становилось, особенно в форме Римской Католической церкви, чрезвычайно авторитарным, нетерпимым, полным насилия и преследований.

Нужно сказать, что зачатки этого разложения присутствовали в христианстве с самого начала, как вероятно, и во всех формах монотеизма. Однако внутри этого официального христианства – и в некоторой степени, как протест

против него – продолжали возникать духовные сообщества в форме монашеских общин, где находили место подлинные христиане, подлинные личности. Монастыри были островками цивилизации и культуры на протяжении Средних веков со времен падения Римской империи в пятом веке до правления Карла Великого в VIII в., и в них сохранилась большая часть латинской и даже некоторая греческая литература.

В связи с этим особенное значение имеет бенедиктинский орден, основанный св. Бенедиктом в VI в. в Италии. На самом деле, это был скорее не орден, а свободное объединение автономных монастырей, каждый из которых управлялся собственным аббатом. С течением времени некоторые из них стали экономически и политически могущественными и, поскольку первоначальная христианская церковь уже поддалась ранее влиянию, которое неизбежно оказывалось в этом случае, к XI в. монастыри перестали быть духовными сообществами и стали «группами» – частью церкви в узком, общественно-политическом, религиозном смысле.

И снова возникла необходимость в реформе, и эту потребность прежде всего выразило монашеское движение цистерцианцев и кармелитов или «Белых братьев» в XII в., а XIII в. за ними последовали францисканцы, доминиканцы, орден Бедной Клары и августинские братья. Эти движения были ортодоксальными частями духовного брожения, которое охватило Европу в Средние века, и породили разнообразные более или менее еретические движения – лоллардов, братьев Свободного Духа, таборитов и других, которые беспощадно преследовались церковью и во многих случаях со временем были искоренены.

Но в XVI в. возникает лютеранство. Это была ересь, которую невозможно было искоренить, и из ее искры вспыхнуло пламя ересей, охвативших центральную, западную и северную Европу, что было названо Реформацией. Возникали самые разные духовные движения, большие и мелкие, более или менее в русле христианства. Некоторые из них существовали лишь несколько месяцев, некоторые – годы, и лишь немногим удалось продержаться века. Например, среди движений, которые возникли в ходе пуританской революции в Англии XVII в. движение диггеров просуществовало лишь несколько лет в конце 1640-х, в то время как квакеры процветают до наших дней.

Таким образом, очевидно, что духовные сообщества сыграли в истории Европы более важную роль, чем это обычно признается. На самом деле, можно сказать, что на протяжении двух тысяч лет на Западе разворачивается великая битва между официальной религией, так или иначе связанной с сильными мира сего, и духовными сообществами в многообразии изменяющихся форм. Это битва между силой и любовью (*меттой*, если использовать буддийский термин), властью и духовной свободой, застоем и ростом, реакцией и творчеством. В этой битве победы постоянно сменяют поражения, и нет гарантии, что любое духовное сообщество будет существовать слишком долго, нет даже уверенности в том, что выживет духовная семья, частью которой являются такие сообщества.

Манихейство – лишь один из примеров духовной традиции, которая проиграла битву. Манихейство было мирным, терпимым, почти эклектичным учением. С философской точки зрения оно было формой дуализма – то есть предполагало существование двух абсолютных принципов, света и тьмы, ни об одном из которых нельзя сказать, что он произошел от другого. Манихеи верили, что, как бы далеко в прошлое мы не обращались, всегда можно обнаружить эти два принципа, независимые и иногда враждующие друг с другом. Задача человеческих существ, согласно Мани, – освободить свет внутри нас от тьмы в нас или вокруг нас.

По мнению некоторых исследователей, Мани, возможно, испытал влияние буддизма – он, вне всякого сомнения, обращается к учениям Будды в некоторых местах своих собственных писаний, и духовные сообщества манихеев были, по видимому, во многом похожи на буддийские общины. Есть даже некоторые свидетельства, позволяющие предположить, что манихейство Центральной Азии, в свою очередь, повлияло на позднейшее развитие буддизма Махаяны и Ваджраяны. Например, можно обнаружить намеки на манихейство в жизни Падмасамбхавы, одного из основателей тибетского буддизма. Одной из наиболее ярких черт манихейства было подчеркивание важности красоты в духовной жизни. Согласно традиции, сам Мани был художником – оказывается, даже теперь слово «*мани*» означает «художник» в современном арабском – и поощрял развитие изобразительного искусства, в том числе, каллиграфии.

Манихейство распространилось удивительно быстро из Ирака и Ирана по всей территории поздней Римской империи, по всей Средней Азии, и проникло в Индию, Китая и даже Японию. Однако эта популярная, терпимая и мирная религия подверглась столь же сильным поношениям, нетерпимости и преследованиям. На Западе ее безжалостно истребила на всей территории Римской империи ортодоксальная христианская церковь. На Среднем Востоке манихейство было уничтожено фанатичными последователями возродившегося зороастризма, а сам Мани был замучен ими. Манихеи преследовались даже в Китае – и даосами, и конфуцианцами. Даже литература этой духовной общины мирового уровня уничтожалась столь систематически, что уцелели лишь фрагменты. Исследователи смогли реконструировать ее историю и учения лишь по обрывкам и фрагментам, по свиткам, обнаруженным в пустыне и случайным пренебрежительным или враждебным упоминаниям в литературе противников манихеев.

Таков важный урок истории. Духовное сообщество может распространиться столь же успешно, как это было с манихеями, и все же исчезнуть, как будто никогда и не существовало. Это всего лишь один пример, но подобная опасность существует всегда. Точно так же, как мир видел возникновение различных духовных сообществ, он также видел возникновение «групп», под которыми я имею в виду различные коллективы людей, в которые организует себя человечество. Если вы член духовного сообщества, важно помнить, что вы вовлечены в постоянную борьбу с группой. Что касается духовной общины, это ненасильственная битва, но враг может быть совсем другим, если мы обратимся к

прошлому. В этом заключается различие – и связь – между духовным сообществом и группой, которые мы продолжим рассматривать далее.

И эта связь, я должен добавить, не обязательно должна проявляться в разрушении возможностей существования духовного сообщества. Если стала возможной Осевая эпоха, то могут иметь место и еще большие изменения. Если отдельные люди и духовные сообщества могут время от времени выделяться из группы, тогда нам также нужно поверить в возможность, сколь бы отдаленной она не казалась, того, что духовное сообщество сможет однажды перевесить группу, что свет может одолеть тьму. Также есть то, что я назвал бы «позитивной группой». Нам нужно определиться с терминами. Давайте более детально рассмотрим группу и духовное сообщество.

Глава 5.

Группа и духовное сообщество

Как следует из условий, таких, как те, что были описаны в первой главе, личности – явление редкое. Духовные сообщества не менее редки, потому что они состоят именно из личностей. Личности иногда существуют в относительной изоляции, однако чаще, по-видимому, они собираются вместе, хотя и в очень небольших количествах. Когда они собираются вместе, они составляют между собой духовное сообщество. Когда вместе собираются те, кто не является личностями, получается группа. Таково различие между группой и духовным сообществом, которое мы будем рассматривать в этой главе.

Группа – это, по сути, объединение людей, не являющихся личностями. Интересно, что в английском языке нет термина, обозначающего таких людей, но в буддизме традиционно используется слово «*притхагьяны*» – «обычные люди» – и между ними и *арьями* проводится четкое различие. Согласно буддийской традиции, большинство представителей человеческой расы подпадают под эту категорию – большинство из них являются индивидуальными лишь в числовом отношении. Мы отделены друг от друга, можно сказать, во всех смыслах, кроме того, что на самом деле имеет значение. У нас отдельные тела и отдельное право голоса, если нам повезло, но мы едва ли можем сказать, что наш ум независим. Если мы внимательно посмотрим на то, откуда появляются наши мнения и решения, мы увидим, что слишком часто мы вообще не владеем собственным умом. То, что мы чувствуем и думаем, определяется обуславливающими нас факторами, особыми обстоятельствами нашего частного существования. Если мы вообще осознаем себя, то лишь крайне расплывчато, урывками; мы склонны думать, чувствовать и действовать согласно тому, как думают, чувствуют и действуют другие, и почти всегда принимаем, часто как нечто само собой разумеющееся, нормы и ценности различных групп, к которым мы принадлежим. В то время, когда нам не удастся действовать как личностям, наши умы, каковы они есть, в сущности, погружаются в некий коллективный, групповой ум.

Характеристики группы

Не требует доказательств, сколь бы крайним оно не казалось, утверждение, что по сравнению с личностью группа всегда не права. Почему? По сути, группа состоит из определенного числа (и природа группы такова, что это обычно очень большое число) «статистических личностей» или «социальных единиц». То есть она состоит из людей, которые не обладают подлинной индивидуальностью, людей со сравнительно низким уровнем сознания и самосознания. Их эмоции чаще всего грубы и повторяются раз за разом, им не нравится быть в одиночестве, они нуждаются в том, чтобы другие поддерживали их взгляды и чувства, им нравится быть частью толпы, банды и так далее.

Это не означает, что такие люди не имеют ценности. Как раз наоборот: они бесконечно ценны, хотя их потенциал еще не реализован. Именно потому, что все человеческие существа способны стать личностями, нам нужно провести различие

между теми, кто стремится реализовать свой потенциал, и теми, кто к этому не стремится (по крайней мере, пока). Тогда мы будем представлять, куда мы идем и куда мы предпочитаем не идти. Тот факт, что подавляющее большинство людей не заинтересовано в том, чтобы стать личностями, и в этой жизни едва ли станут ими, не означает, что у них нет возможности стать личностями.

Нити, которые связывают нас в группе как формальных личностей, обычно более или менее материальны (при этом этому слову необязательно приписывать какое-то неодобрительное значение). Люди объединяются узами крови со своей семьей или племенем. Они объединяются узами почвы с теми, кто живет и работает на той же земле, через посредство их совместной преданности земле, на которой так долго жили они и их предки. Они объединяются, особенно в случае более обширных групп, узами экономического интереса. Их объединяет страх, необходимость защищаться от более многочисленных, более могущественных, более агрессивных групп.

С Осевого времени личности и духовные сообщества продолжают появляться через разные промежутки времени и в разных местах. Однако гораздо более очевидно развитие группы. Начиная с семейной группы, племени, государства и империи, мы унаследовали на протяжении веков обширную и сложную сеть групп, с которыми мы себя отождествляем: школы, компании и многонациональные корпорации, футбольные клубы и ротари-клубы, советы, церкви, общины и общества, пабы, группы по интересам, политические партии и так далее. Мы также принадлежим к определенной социальной группе или классу, экономической группе, религиозной группе, культурной группе, языковой группе, расовой группе. В одних группах мы рождаемся, к другим нам приходится присоединяться сознательно, выплачивая членские взносы, проходя посвящения, становясь добровольцем в армии и так далее. Эти категории до некоторой степени пересекаются, но, в общем и целом, у групп, к которым человек принадлежит по рождению, больше групповых черт, чем у тех, в которые вступают добровольно.

Многие из этих групп связаны с особыми символами, так что увидеть символ – означает сразу вспомнить о группе, которую он символизирует. Столбы с тотемами, национальные флаги и гимны, национальный костюм, – все служит этой функции.

Есть также старые школьные галстуки, значки, обозначающие принадлежность к братству, профсоюзные билеты, значки членов партии. Подобные символы сопровождаются девизами и высказываниями, отражающими групповые ценности: «страна самого Бога», «дом, милый дом», «страна надежды и славы», «земля свободных», «земля моих отцов», «бульдожья порода», «возможно, это потому, что я лондонец», «старинная фирма», «не подводи своих», «рабочие мирового союза»...

Групповое чувство преданности на самом деле очень глубоко. Эта преданность не всегда выражается и даже осознается, но она существует, она глубока, и если затрагиваются групповые ценности человека, он может резко

превратиться из добропорядочного, образцового гражданина в фанатика-партизана, готового порвать на куски любого, кто бросает вызов его группе или ставит под вопрос преданность группе.

На футбольном матче или ралли или когда вы вступаете в армию, вы обнаруживаете, что коллективный дух группы, к которой вы присоединились, берет над вами верх, и вы погружаетесь в него. Это своего рода групповой ум или душа, которой вы подчиняетесь почти против собственной воли – кажется, она контролирует вас. Это не оккультная мифология, а широко известное явление.

Чувства, вызываемые в вас, столь сильны, столь повсеместны, столь неизменны, столь глобально распространены среди человеческих существ, что некоторые антропологи и психологи заходят настолько далеко, что говорят о групповом инстинкте, не менее мощном, чем инстинкт размножения. Групповой инстинкт довольно легко побуждает нас, как они говорят, объединяться с другими людьми. Можем ли мы на самом деле говорить о групповом инстинкте, спорный вопрос: некоторые психологи отмечают, что слово «инстинкт» – красная тряпка, натянутая на пути психологической теории, и что оно на самом деле не имеет реальных соответствий. Однако, несомненно, можно сказать, что группа состоит из статистических личностей – то есть личностей, чье сознание является частью группового сознания и чьи мысли, чувства и поведение подчиняются групповым моделям и нормам.

Конечно, среди животных группа выполняет определенную биологическую функцию. Если стоит жуткий холод, и вы рискуете замерзнуть насмерть, не имея огня, искусственного укрытия или одежды, чтобы дополнить мех, волосы или шерсть, вы сгрудитесь вместе, чтобы согреться. Помимо тепла, группа также дает безопасность: ее здоровые и сильные члены часто защищают тех, кто моложе и слабее. Даже лев будет охотиться на более слабое животное, только если ему позволили отстать. Таким образом, группа на животном уровне обеспечивает выживание данного вида.

Желание принадлежать группе – в наших костях, в нашей крови. На протяжении долгой истории мы собирались в группы. Если мы будем учитывать наших предков-приматов, мы получим около двадцати миллионов лет групповой обусловленности человекообразных обезьян, обезьяноподобных людей и человечества. Сначала мы жили в своего рода расширенной семейной группе или малом племени, состоящем из примерно пятидесяти человек и лишь изредка встречались с другими малыми племенами. С развитием языка мы обрели возможность перейти к более обширным племенным группировкам. Но почти все наши отношения продолжали развиваться внутри этой домашней группы, и в некотором роде это такая группа, стремление возвращаться к которой для нас естественно.

Лишь на протяжении последних нескольких тысяч лет (а это ничтожное время по сравнению с предыдущим периодом) мы развили разнообразные виды гораздо более сложных социальных объединений. Сегодня мы обнаруживаем, что

жадно стремимся получить то, что нам нужно, от еще более искаженных, испорченных социальных институтов. Все сложнее и сложнее найти группы правильного масштаба. С одной стороны, у нас есть изолированная семья-ячейка, которая может заесть настолько, что, как говорят некоторые психологи, становится причиной появления невротизма, с другой стороны, мы принадлежим к группе – нации, государству – которая настолько велика, что не имеет для нас смысла на личном уровне. Как что-то среднее мы находим, урывками и на краткий срок, членство или преданность ко всем остальным группам. Но ни одна из них, как оказывается, не удовлетворяет нашей древней нужды в малом племени, состоящем из тридцати-шестидесяти человек, группе, в которой мы можем жить и работать в подлинной и постоянной личной связи со всеми ее членами.

Все мы принадлежим от рождения к определенным группам и, следовательно, все мы подвержены обусловленности, возникающей вследствие этой принадлежности. Наши представления, наши взгляды, наши чувства, то, как мы реагируем на людей и ситуации, наши убеждения – все это, скорее всего, будет определяться групповой обусловленностью того или иного рода, если только мы не осознаем эту обусловленность и не отделим себя от ее влияния. Сами группы часто пересекаются или даже сливаются. И все эти пересекающиеся группы вместе составляют «мир».

Группы боятся индивидуальности и всех ее проявлений и всегда стремятся препятствовать им. Группа требует конформизма. Это происходит потому, что она основана на власти, которая, будь она физической, интеллектуальной или экономической, – это всегда власть сильных над слабыми, власть тех, кто владеет ресурсами, власть хитрости или знания того, как навязать свою волю другим, применяя грубую силу или тонкую манипуляцию для того, чтобы использовать других в своих собственных, зачастую эгоистичных целях. Группа состоит из тех, кто обладает этой властью, равно как и из тех, кто наделяет нас этой властью. Такая власть всегда используется в любой группе, будь она политической, культурной, племенной, семейной или даже религиозной.

Духовное сообщество

Цели общины, состоящей из личностей, или духовного сообщества, совершенно отличаются от целей группы. Они двойки: во-первых, члены сообщества помогают друг другу духовно развиваться, во-вторых, они помогают тем, кто остается вне общины, развивать их индивидуальность любым возможным способом. По сути, духовное сообщество – это свободное объединение личностей. Следовательно, первое, что необходимо для создания духовной общины, – это несколько личностей. Духовная община без личностей столь же невозможна, как яичница без яиц. Создать духовную общину не означает выстроить здание, надеть экзотическую форму одежды или составить длинный список правил. Вам не нужно здание, вам не нужна «подлинная традиция», вам даже не нужна религия. То, что вам нужно, – это личности, это основная составляющая. Другими словами, вам нужны люди, которые относительно независимы от группы, относительно целостны и осознанны и имеют внутреннее направление и положительные цели в

жизни. Там, где нет личностей, не будет и духовного сообщества, как бы вы его ни называли. Если вы хотите создать духовное сообщество, сначала найдите личность.

Далее, должен быть регулярный контакт между этими личностями. Это не просто вежливое светское общение. Это также не подразумевает того, что мы сбиваемся в группу для того, чтобы обрести психологическое тепло, комфорт и поддержку. Духовное сообщество состоит из личностей, которые находятся в глубоком личном контакте друг с другом. Это потребует от вас, чтобы вы стали собой, и потребует, чтобы вы предпринимали дальнейшие шаги к тому, чтобы стать подлинной личностью. Люди внутри духовного сообщества сделают все, что смогут, чтобы вызвать подлинное общение, настоящий духовный обмен. В контексте буддийской традиции такое общение называется «кальяна митрата», «прекрасной дружбой». Да, все вы пытаетесь развиваться, но вы также пытаетесь развивать *вместе*. Кроме того, вы также *помогаете* другим развиваться.

Несомненно, такие развивающиеся личности не будут согласны друг с другом абсолютно во всем. Однако важно, чтобы все члены определенного духовного сообщества разделяли одни и те же общие взгляды на духовную жизнь и подход к ней. Должна быть общая духовная обстановка, в которой все они пытаются развиваться. Эта обстановка создает среду, в которой происходит общение, и без этой среды было бы трудно помочь друг другу или даже понять друг друга. Она состоит главным образом из двух вещей. Во-первых, у духовного сообщества должен быть общий духовный идеал, все его члены должны стремиться к одним и тем же высшим состояниям сознания, одной и той же реализации. А во-вторых, у них должны быть общие средства для достижения этого идеала, общий путь или учение, общий метод или практика. Они проходят один и тот же путь одним и тем же способом. Как мы уже видели, в буддизме эти две вещи известны как Драгоценность Будды и Драгоценность Дхармы. Само духовное сообщество – это, конечно, Сангха, третья Драгоценность.

Духовное сообщество или, по крайней мере, его часть, может даже решить жить под одной крышей. Это не только будет способствовать более тесному личному контакту и, следовательно, большей взаимной поддержке между его членами, но также создаст более напряженную ситуацию, которую трудно обеспечить в других условиях. Это не означает, что нужно обязательно все время быть со своими духовными друзьями. Даже после того, как человек стал членом духовного сообщества, ему желательно время от времени оставаться одному. Тем не менее, у нас, несомненно, больше шансов духовно развиваться, если мы постоянно общаемся на протяжении многих лет с теми, кто продвигается по пути, и особенно с теми, кто более продвинут, чем мы. Лучшие духовные сообщества – те, в которых есть, по крайней мере, один человек, который более развит, чем другие, и может обеспечить определенное руководство остальному сообществу. Такого человека традиционно называют «кальяна митрой», духовным другом, хотя в определенных обстоятельствах все члены духовной общины могут стать кальяна митрами по отношению друг к другу.

Духовные сообщества по определению – и это печальная мысль –

немногочисленны и малочисленны. На самом деле, не может существовать всемирной духовной общины. Вероятно, таков закон человеческого развития, что, когда духовное сообщество достигает определенного размера, оно начинает ощущать, так сказать, притяжение группы и, скорее всего, перенимает характеристики группы. Когда это происходит, оно деградирует. Самые обусловленные, традиционные, ортодоксальные религиозные группы были первоначально подлинными духовными сообществами, которые расширились и затем были поглощены группой в той форме, в которой это наиболее для нее приемлемо. Однако, хотя подлинные духовные сообщества могут быть малы по размеру, они оказывают мощное оживляющее влияние на «рыхлую массу» населения в целом.

Как влияют друг на друга группа и духовное сообщество

Группа и духовное сообщество пытаются делать совершенно разные, даже противоположные вещи. Группа пытается создать хороших членов группы: хороших семьянинов, хороших жен и матерей, надежных сотрудников, преданных граждан, послушных солдат, членов партии, на которых можно положиться и которые будут строго придерживаться правил. Напротив, духовное сообщество пытается создать личностей. Группа настаивает на конформизме, в то время как духовное сообщество побуждает к свободе мышления. Но это не все. Определяющий принцип духовного сообщества, в противовес групповому стремлению к конформизму, – это не просто свобода мыслей, сколь бы важной не была эта свобода. Это свобода роста.

Хотя группа и ограничена во многих отношениях, ее силу сложно переоценить. Она управляет жизнями подавляющего большинства людей, и большая часть людей этому рада. Следовательно, нам нужно спросить у себя, чего мы действительно ищем, а также четко осознавать природу выбора, стоящего перед нами. Действительно ли мы ищем духовное сообщество или нам всего-навсего нужна группа? Духовное сообщество – это не коллектив, это сообщество личностей. Это даже не заместитель группы, чего ищут многие из нас в переходные времена, подобные нынешним. Многие старые институты, обычаи и традиции разрушаются. Прежние группы разрушаются, начиная с семьи. Семейные узы уже далеко не столь важны, как раньше. Кто в наши дни заботится о том, чтобы поддерживать отношения с двоюродными и троюродными братьями и сестрами? Иногда вы едва знаете, кто они такие. А раньше люди поддерживали связи с каждым человеком, даже отдаленно состоящим с ними в родстве.

На Востоке семья все еще управляет жизнью людей. Когда я жил в Индии, меня часто представляли кому-то со словами: «Это мой близкий родственник, он мой брат». Я вскоре узнал, что это означает совсем не то, что мне казалось. «О, – говорил я, – одна мать, один отец?» «О нет, он внук брата мужа дочери сестры моей прабабушки». Люди привыкли поддерживать отношения со всеми родственниками, которых иногда насчитывалась пара сотен. Но сегодня на Западе семья во многих отношениях – пустой звук.

Национальное государство – это еще одна группа, которая в настоящий момент разрушается. Раньше редко случалось, чтобы люди покидали страну, в которой родились, даже покинуть деревню считалось значительным делом. В прошлом считалось идеальным, если вы до конца дней своих жили, слыша звуки из соседней деревни, но не испытывая даже желания пойти туда. Однако в наши дни люди гордятся тем, что, как говорится, «поколесили по свету». Если мы отправляемся жить и работать или учиться в другую страну, это больше не считается печальным изгнанием, если только вы не беженец, которого выдворили из вашего дома силой, и даже тогда люди обычно счастливы больше, если им дали убежище в процветающей стране за рубежом.

Классовые отношения также разрушаются. В прежние времена, если вы рождались рабом, вы умирали рабом. Если вы рождались благородным, то, даже если вас казнили, у вас все же были особые привилегии, приличествующие вашему положению, – например, вам отрубали голову, а не вели на виселицу. В наши дни все гораздо более изменчиво. Люди отождествляют себя не столько с классом, сколько с тем, чем они занимаются, и, поднимаясь по карьерной лестнице, они оставляют позади социальное окружение, в котором родились, и теряют связи со старыми друзьями.

В результате всех этих изменений многие люди, уехав от семьи и друзей и даже из своей собственной страны, обнаруживают, что у них не стало предписанного социального окружения, которому бы они соответствовали. Естественно, что они чувствуют себя в одиночестве и изоляции, и столь же естественно, что они, пусть и бессознательно, начинают искать группу, к которой они могли бы принадлежать. Так они могут встретиться с духовным сообществом, основанным несколькими личностями. Если ему понравилась положительная атмосфера, одинокий человек, возможно, захочет присоединиться к этому сообществу. Но он присоединяется не к духовному сообществу, а к группе. Он присоединяется к ней не для того, чтобы развиваться духовно, а ради тепла и дружеских отношений – возможно, просто потому, что не может высидеть в четырех стенах своей холодной квартиры. Таким образом, духовное сообщество становится заменителем группы. У вас нет семьи? Хорошо, вступите в это духовное сообщество. Вы не состоите ни в одном клубе? Поблизости всегда есть духовное сообщество. Вы не принадлежите к какому-то племени, у вас нет собственного вождя или тотема? Не беспокойтесь, вы найдете им замену в дружелюбном духовном сообществе по соседству.

Определенные изменения в современной Японии позволяют пролить свет на эту ситуацию. На протяжении последних ста лет или около того, начиная с реставрации Мейдзи и модернизации и индустриализации, следовавших за нею, феодальные структуры, которые ранее были объектом преданности в Японии, были разрушены. В результате обычные японцы оказались на распутье, так сказать, и у них не осталось ничего, к чему они могли бы себя отнести, чему могли бы быть преданы, за что могли бы совершить харакири. Семья была слишком мала, чтобы удовлетворить очень сильную потребность в структуре, напоминающей клановую,

в то время как страна в целом – Страна Восходящего Солнца – была слишком велика.

Очевидно, многие современные японцы решили эту проблему, приняв компанию, в которой они работают, в качестве своего «клана». «Одиноким колышек вгоняют в землю», – говорят они. На Западе молодые мужчины и женщины часто пробуют разные работы, но в Японии все обстоит не так. Говоря проще, человек никогда не уходит с работы. Он преданно служит фирме, и она заботится о каждом аспекте его жизни, от закладных до свадьбы. Он едет в отпуск, организованный фирмой, со своими коллегами, и смотрит на главу компании с почтением, как на некоего вождя племени, и иногда даже чувствует, что отдал бы за него свою жизнь.

Религия также была приспособлена к сильной потребности японцев в принадлежности. На Западе исполненные благих побуждений проповедники призывают к обновлению веры для того, чтобы заполнить духовную пустоту в сердцевине нашего общества – но немногие их слушают. Но в Японии со времен войны религиозное возрождение достигло грандиозных масштабов. Новые школы и даже новые религии растут, как грибы после дождя – почти каждую неделю появляется что-нибудь новое. Учения всех этих школ и религий в основном восходят к буддизму, беря начало в буддизме Махаяны в целом и в буддизме Ничирена в частности³⁹ и в большинстве своем основываются на *Лотосовой сутре*. Но очевидно, что учение – это не главное. Главное – это организация. У каждой из этих сект есть основатель, который принимает титул патриарха или архиепископа такой-то секты – и именуется так всеми, включая прессу. У основателя обычно есть жена, и вместе они управляют сектой. Другими словами, они – архетипические мать и отец, и иногда именно так их и называют их преданные последователи, которые довольно часто исчисляются сотнями тысяч и даже миллионами. Некоторые из этих преданных последователей занимают важные посты в управлении сектой. Естественно, возникает сложная иерархия, состоящая иногда из десятков разных уровней членства, и каждому из них присущи свои отличительные красочные одеяния, значки, пояса и головные уборы. Они воздвигают огромные замки и поместья для своих лидеров. У некоторых из них есть собственные магазины и даже железнодорожные станции. Они непременно проводят съезды на огромных стадионах и полувоенные парады на улицах, с плакатами и речевками, музыкой и песнопениями, и никто не нарушает строя.

Будь это компания или новая религия, заканчивается все примерно одним и тем же: и то, и другое удовлетворяет потребность в принадлежности группе. Несомненно, не нужно подобным образом использовать духовное сообщество как заместитель группы. Единственная реальная опасность, которая угрожает духовному сообществу, – это то, что ему очень легко превратиться в группу, – любая другая опасность уже кроется внутри этой. Или, скорее, опасность заключается в том, что духовное сообщество подменяется группой. Духовное сообщество как таковое не может стать группой, оно может только распаться или исчезнуть, и на его место придет группа с тем же именем и внешним обликом.

Это происходит в больших масштабах, когда мировая религия вырождается до уровня этнической религии. Я имею в виду, что в определенный момент религия перестает отвечать духовным потребностям личности, как это делают все мировые религии по самой своей природе, и начинает отвечать лишь коллективным потребностям группы. Священники начинают отвечать за урожай, благословлять танки и так далее. Как будто группа создает некое гравитационное поле, воздействуя на любое духовное сообщество, которое недостаточно бдительное.

Духовное сообщество с общим проживанием особенно подвержено этой опасности. Когда люди живут совместно под одной крышей, опасность заключается в том, что они начинают создавать себе все больший и больший комфорт, и рано или поздно кухня, а не алтарная комната, становится центром их совместной жизни. Истина в том, что до достижения «вхождения в поток» вам не следует оставаться на месте и почитать на лаврах. Вы не можете даже почувствовать: «Что ж, на эту жизнь достаточно, я поработаю над этим в следующей жизни». В то мгновение, когда вы перестаете прикладывать усилия, вы соскальзываете назад.

Из-за всего этого может показаться, будто группа – это главный злодей. На самом деле это не так. Нам просто нужно ясно понимать, что она собой представляет, и отводить ей должное место. Желание принадлежать какой-нибудь группе – это основополагающая человеческая потребность, которую невозможно просто игнорировать. Нам нужно принимать ее в расчет. Хотя группа и духовное сообщество пытаются делать разные вещи, они тесно и очень близко связаны. Между ними существуют диалектические отношения, и они оказывают друг на друга сильное влияние. Духовное сообщество очищает и смягчает группу, цивилизует ее. Самим своим присутствием внутри группы оно помогает группе быть открытой высшим ценностям, стать тем, что можно назвать положительной группой, группой, в которой возможно, даже если оно и не поощряется активно, индивидуальное развитие.

В то время как духовное сообщество может оказать положительное влияние на группу, влияние группы, однако, в той или иной степени разрушительно. Групповая ментальность всегда пытается превратить духовное сообщество в еще одну группу, и ей всегда рано или поздно это удастся. Тогда духовное сообщество приходится создавать заново тем личностям, которые понимают, что случилось. Однако духовное сообщество не может полностью отрезать себя от группы. Его преданность высшим ценностям подразумевает сострадание – стремление работать с групповой ментальностью и развивать в ней личности. Другими словами, нельзя родиться в духовном сообществе. Духовное сообщество, место в котором передается по наследству, противоречит сами себе. Низшая эволюция может определяться повторением определенных генов, но высшая эволюция – это совсем не биологический процесс. (Мы детально рассмотрим, что понимаю под «высшей эволюцией», во второй части). Духовное сообщество нужно набирать заново в каждом поколении. Это его слабость, но и его сила.

Следовательно, недостаточно просто создать духовное сообщество

развивающихся личностей: необходимо также основать здоровые группы, внутри которых возможно появление здоровых членов группы – и, таким образом, потенциальных личностей. Такие группы основаны скорее не на авторитете и власти, но на дружбе и любви. В следующих двух главах мы рассмотрим сначала отношение власти к духовной общине, а затем, в противопоставление, развитие того, что я называю позитивной группой.

Глава 6.

Авторитет

Слово «авторитет» очень двусмысленно. В обычном смысле оно означает власть, которая осуществляется человеком на основании его поста, правового, общественного или политического положения. В этом смысле человек обладает авторитетом не благодаря своим личностным качествам, а лишь благодаря своему положению. Авторитет в этом смысле имеет мало общего с подлинной индивидуальностью. Двусмысленность начинается, когда мы говорим, например, о моральном авторитете. Здесь это слово имеет другой оттенок значения, более близкий к своему первоначальному значению (образованному от слова «автор»). Но в наши дни под авторитетом чаще понимают власть, принадлежащую человеку в силу его поста или положения, и именно этот смысл я хочу обсудить здесь.

Точная природа авторитета в этом смысле близка по сути к идее представительства от какого-то другого лица – как, например, это имеет место в случае с посланцем, который представляет монарха, или членом парламента или сенатором, который является представителем избирательного округа или штата, или делегатом, который представляет торговый союз, или даже торговцем, который представляет предприятие. Во всех этих случаях человека с определенными целями наделяют властью группы или организации, к которой он принадлежит. Группа принимает то, что он принимает в качестве представителя группы, и соглашается с тем, с чем он соглашается. Власть, которой обладает представитель, – это не его собственная власть, но власть другого человека или людей, власть группы.

Примерно также обстоит дело и в случае с авторитетом. Здесь вы также обладаете властью не благодаря тому, что являетесь личностью, но благодаря посту или положению, которое вы занимаете. Конечно, ваши личные качества могут соответствовать данному конкретному положению, но власть, которой вы обладаете, происходит от положения, а не от ваших личных качеств. Другими словами, эта власть не принадлежит вам, она принадлежит определенной группе или организации, которая назначила вас на этот пост или должность.

Из этого следует важное заключение. Когда мы имеем дело с человеком, который так или иначе является представителем, или с кем-то, занимающим пост или обладающим полномочиями, мы имеем дело не с ним как с личностью, и этот человек не действует, как личность. Из этого следует еще более важный вывод. Как мы увидели, мы можем взаимодействовать с другими внутри духовного сообщества только как с личностями: если мы обращаемся с ними по-другому, духовное сообщество прекращает свое существование. Внутри контекста духовного сообщества, следовательно, мы не можем работать с другими как представителями, как с людьми, занимающими некое официальное положение. На самом деле, в духовном сообществе не может быть представителей, не может быть официальных постов, и, следовательно, вытекающего из этого авторитета.

Если мы работаем с другими как с теми, кто занимает властные посты, или как с представителями, мы не работаем с ними как с личностями и, следовательно,

по факту, действуем не внутри духовного сообщества, а внутри группы. Даже в ситуации совместного организованного проживания в буддийской общине не может быть руководителей. В конце концов, кто кого нанимает?

Иногда людям нравится занимать посты, облакающие их властью, им нравится говорить от лица других. Личность будет сопротивляться такой роли как можно дольше, хотя другие могут этому воспротивиться. Например, я почти двадцать лет пробыл в Индии, и все это время у меня не было других интересов, кроме как погрузиться в суть буддизма. Следуя лишь этой цели, я совершенно перенял индийский образ жизни, до такой степени, что меня иногда принимали за индуса (иногда, но не всегда, как вы увидите). Я годами не видел ни одного европейца и не говорил с ним. Тем не менее, некоторые из индийцев, с которыми я общался, настойчиво, несмотря на мою преданность буддизму и индийскому образу жизни, относились ко мне как к англичанину и, более того, как к тому, кто так или иначе представляет Британию. В 1956 году меня не раз спрашивали: «Почему вы захватили Суэц?» Люди, которые задавали этот вопрос, видели не меня, личность, Сангхаракшиту, а только представителя Британии, и относились ко мне соответственно.

Подобные вещи в обратном порядке происходили со мной, когда я вернулся в Англию в 1964 году. Ко мне часто приходили журналисты из газет – обычно симпатичные молоденькие девушки с блокнотами и карандашами и всякими странными идеями о буддизме – и спрашивали меня как можно вежливее: «А вы верите в умерщвление плоти?» Опять же, они не видели меня, они и не пытались понять, во что я на самом деле верю. Они видели во мне представителя того, чем, по их мнению, являлся буддизм. Они совсем не осознавали во мне личности.

Общая черта представительства и обладания авторитетом – это, конечно, сила. Вы имеете власть над другими или вас наделяют силой (иногда полномочиями) говорить от лица других. У этого слова также присутствует интересный двойной смысл. Сила может означать способность – физическую, умственную или нравственную – действовать. Это может быть также сила или энергия, применяемая или применимая в работе. Но здесь мы заинтересованы в силе в значении обладания влиянием контролировать других, способности принуждать других, прямо или косвенно, физически или психологически.

Словосочетание «духовное принуждение» внутренне противоречиво. Власти в значении возможности принуждения нет места в духовном сообществе. Власть имеет место – на самом деле, она необходима, но необходима группе, и именно там ее место. На самом деле, группа основывается на власти и не может существовать без нее. Групповые вопросы – это всегда вопросы политики, политика главным образом заключается в принуждении. Духовное сообщество, напротив, не может сосуществовать с властью. Как только кто-то обретает власть, он перестает относиться к другим как к подлинным личностям. А когда это происходит, духовное сообщество прекращает свое существование.

Группа состоит из людей, чьи отношения друг с другом основаны на силе;

сила – это принцип, которым управляются их отношения. Духовное сообщество, напротив, воплощает совершенно другой принцип и состоит из личностей, отношения которых построены по этому принципу. Очевидно, что в поисках этого принципа нужно обратиться к мировой религии, которая в идеале есть духовное сообщество (если сравнивать ее с этнической религией, которая по определению является групповой). В мировой религии, опять же, в идеале, не должно быть места авторитету и власти. К несчастью, это не всегда справедливо по отношению к религиям как историческим явлениям. Власть всегда стремится пробраться в них, и, как только это происходит, религия перестает быть духовным сообществом и становится группой. По-видимому, некоторые религии подверглись этому в большей мере, чем другие. Теистические религии, основанные на вере в Бога-личность, Высшее Существо, создателя и правителя вселенной, имеют склонность к более явному искажению авторитетом и властью, чем нетеистические религии, хотя и последние несут в себе следы подобных искажений.

Причина довольно проста. Определяющий момент теистической религии – Бог – не показывает себя и не говорит с обычными людьми, поэтому ему нужны представители, чтобы рассказывать людям, каких поступков он от них ждет. Пророк или божий посланник, отправленный к людям, чтобы поведать им, что делать, – такой посредник. Воплощенный Сын Божий, появляющийся в человеческой форме, чтобы сказать людям, что им делать, как жить и так далее, – еще один пример.

Представитель не только говорит нам, чего Бог от нас ждет: он также наделен божьей властью. У него есть право принуждать нас делать то, чего велит Бог, если мы не желаем сделать это по собственной воле. Поэтому ключевой вопрос здесь в том, какого именно рода существо здесь представлено? В большинстве теистических религий представление о Боге двусмысленно, двойственно и даже внутренне противоречиво. Это попытка совместить двух разных Богов – Бога Власти и Бога Любви, Бога Природа и Бога Нравственности – в одном. Последствия этой переплавки могут огорчить того, кто верит в Бога. Если, например, самого близкого и дорогого человека убивает молния, это будет «делом рук Божьих» (такое определение все еще присутствует в английском законодательстве), поскольку молния – это часть природы, а за природой стоит Бог. Но этот Бог Природы – также и Бог Любви, поэтому вам приходится толковать вашу ужасную потерю как кару для вас и для него, ради вашего собственного блага. Это событие должно являться своеобразным выражением божьей любви. Вы ощущаете влияние силы, но вам нужно толковать его как деяние любви, то есть вам приходится убеждать себя в том, что это деяния любящего Бога.

Тогда непременно возникает вопрос: воплощают ли представители Бога оба эти аспекта Бога? Вас могут наделить властью и возможностью ее применения от лица высшего авторитета, но можете ли вы вверить кому-то свою любовь? Мы часто говорим: «Передавай ему мою любовь», но можно ли на самом деле отдать любовь, которая не принадлежит тебе? Нет, конечно, нет. Невозможно передать любовь одного человека другому. Другими словами, в то время как власть можно

делегировать, любовь – это качество личности.

Представитель Бога, следовательно, не может действовать от лица Бога Любви – он может действовать от лица Бога Силы. Чтобы укрепить свой авторитет и власть, он может утверждать, что говорит от лица Бога Любви, но никакие уверения не сделают подобное возможным. Представители теистических религий всегда наделены властью, потому что это все, чем они наделены. Соответственно, теистические религии всегда являются групповыми религиями, силовыми структурами – или склонны становиться таковыми.

Это особенно очевидно в случае с христианством, особенно в случае с Римской католической церковью. Как мы уже видели, Римская католическая церковь первоначально, на заре своего существования, представляла собой подлинное духовное сообщество, называемое «экклесией», что позже стало известно как «Церковь». Вначале это было подпольное движение – в буквальном смысле, потому что, как утверждается, его члены собирались в катакомбах под городом. Постепенно это духовное сообщество первых христиан вышло на свет, и христианство распространилось в большей части Римской империи, пока в IV веке не стало официальной религией всей империи. Другие религии были запрещены, и возникли описания всяческих ересей, хотя определить, что является еретическим, а что – нет, было всегда непросто. Для того, чтобы все это сделать, Церкви пришлось взять на себя и осуществлять мирскую власть.

Согласно трем из четырех Евангелий, сам Христос отвергал мирскую власть. Власть была одной из тех трех вещей, которыми дьявол искушал его в пустыне, и он отверг ее. Но Церковь не смогла последовать его примеру. Это произошло не только в силу человеческой слабости, но из-за внутренне противоречивой природы самого христианства. Ветхий Завет говорит о Боге силы, Боге войн, Боге, который побуждал своих почитателей (в данном случае детей Израиля) к избиению своих врагов. А в Новом Завете появляется Бог Любви, он учит тех, кто ему поклоняется, прощать врагов своих. Совершенно очевидно, что следовать обоим этим наставлениям одновременно невозможно. Какое выберете?

Церкви пришлось следовать Богу Власти, чтобы осуществлять принуждение, проповедуя свою веру, и таким образом она превратилась из духовного сообщества в группу, по двум взаимосвязанным причинам. Во-первых, как мы отметили, Бог нуждается в посреднике, который будет толковать его волю, а у любви не может быть посредников. Иногда Папу критиковали за то, что он не являлся наместником Бога Любви. Например, пьеса «Наместник», написанная в 1963 году немецким драматургом Рольфом Хохгутом, была направлена против Папы Пия XII, который отказался осудить массовые убийства евреев Гитлером, как раз по этой причине. Но подобная критика бессмысленна, поскольку наместник не может представлять Бога Любви. Он – лишь представитель Бога Власти.

Во-вторых, Церковь начала осуществлять мирскую власть, и вполне естественно, что со временем Бог на небесах должен был приведен в соответствие с ее собственной ролью в мире. Это особенно справедливо в отношении Римской

католической церкви, которая считала себя наследницей политической власти Западной Римской империи. Глава Римской католической церкви, Папа, который первоначально был лишь римским епископом, со временем – через несколько веков – стал называться Викарием Христовым («Викарий» означает «наместник»). Таким образом, начиная со Средних веков и до XIX века Папы утверждали, что они – наместники божьи, и провозглашали буквально, что Бог наделил их правом полного контроля над королями и князьями. Иногда они действительно собирали армии, участвовали в сражениях и даже лично вели свои войска в битву. Они организовали несколько крестовых походов против мусульман и даже против несчастных альбигойцев в южной Франции. И, что самое ужасное, они создали Инквизицию, посредством которой они пытались силой утвердить единую веру.

Не так давно Папа принес извинения за все преступления и преследования, совершенные от имени Церкви, но это нужно рассматривать главным образом как политический жест. В день пятисотлетия основания инквизиции в Испании испанских священников попросили выразить сожаление по поводу произвола этой организации, но они отказались, также по политическим причинам.

На протяжении веков тысячи и тысячи людей были жестоко замучены и уничтожены инквизицией и другими службами Римской католической церкви. В Средние века и даже после Церковь вела себя точно так же, как силовая структура наихудшего типа, и единственным местом, где сохранялись следы христианства как духовного сообщества, были монастыри. Но и там это длилось недолго. Таким образом, Римская католическая церковь – самый выдающийся пример того, как власть проникает в духовное сообщество и рано или поздно берет над ним верх. Но это случилось и в случае с другими религиями, включая буддизм, хотя и не далеко не столь явно.

Однако внутри духовной общины некоторые люди являются личностями в большей мере, чем другие, но они используют свой опыт и даже естественный авторитет не для того, чтобы властвовать над другими людьми, и даже не для того, чтобы навязывать им свое видение, но для того, чтобы помогать им развиваться как личностям. Но если духовное сообщество – не силовая структура, на чем оно держится? Очевидно, что, если принцип управления в группе основан на силе, принцип, воплощенный в духовном сообществе – это любовь. Однако слово «любовь» предательски двусмысленно, поскольку то, что называют любовью, слишком часто также является формой проявления власти. Подходящее слово на пали – *метта* (*майтри* на санскрите). Это слово обычно переводят как «дружелюбие», но это дружелюбие, поднятое на высочайший доступный пониманию уровень насыщенности, своего рода предельное дружелюбие. Такое дружелюбие практикуется и ощущается только подлинными личностями, только членами духовного сообщества. Когда мы ощущаем метту по отношению к другим, мы видим в них личность и относимся к ним соответственно. Важность метты отражает тот факт, что большинство буддистов регулярно и систематично развивают ее в форме практики медитации, *метта-бхаваны*.

Метту нельзя выразить с помощью жестокости, подавления или авторитета.

Такое использование силы может быть совершенно необходимо в самых разных ситуациях, но такие ситуации по самой своей природе не могут проявиться внутри духовного сообщества. Каждая личность сама видит, что нужно сделать в любой конкретной ситуации – или для того, чтобы увидеть это, ей достаточно дружелюбного намека, – и, видя это, с радостью делает.

Можно пойти еще дальше и просто сказать, что положительные эмоции в целом являются сердцевинной духовного сообщества: не только *метта*, но также *каруна* (сострадание), *мудита* (сорадование добродетелям и счастьем других) и *упекиша* (мир или равностность), а также *шраддха* (вера и преданность). Духовное сообщество воплощает все эти очищающие, возвышающие и оживляющие эмоции.

Но даже тогда чего-то не хватает. Есть метафизическое или запредельное измерение, которое также должно присутствовать, чтобы духовное сообщество продолжало существовать. Главные принципы, управляющие духовным сообществом – это *маха-майтри*, *великое дружелюбие*, и *маха-каруна*, *великое сострадание*: сострадание или мудрость, неотделимые от *праджни*, запредельной мудрости. Другими словами, принцип управления духовным сообществом – как раз то, что мы называем *бодхичиттой*, космической Волей к Просветлению⁴⁰, отраженной в сердцах и умах всех личностей, которые составляют духовное сообщество.

Глава 7.

Позитивная группа и новое общество

Трудно вообразить себе сообщество, в котором управляют – или, скорее, вдохновляют его – мудрость и сострадание. Но как потенциальные личности мы все-таки время от времени, пусть и в небольшой мере, ощущаем себя частью такого сообщества, и нам нет оправдания, если мы не пытаемся жить в свете этой истины, как могли бы. Большинство из нас почти все время действуют как члены группы, и, следовательно, мы привыкли относиться друг к другу с позиций силы – не просто непосредственной, неприкрытой силы, но и силы в форме обмана, эксплуатации и манипулирования. В лучшие минуты нам, возможно, хочется все это изменить. Нам нужно научиться относиться друг к другу с позиций любви и сострадания – захотеть относиться друг к другу как к личностям, то есть, с позиций этого запредельного сострадания-с-мудростью.

Другими словами, у нас должно появиться желание относиться друг к другу на основе *бодхичитты*. Это термин из буддизма Махаяны, и он имеет отношение к Воле к Просветлению, которая внутренне присуща каждой личности. Когда бодхичитта (слово буквально означает «Просветление сердца»), возникает в нас, у нас появляется сильная мотивация к достижению Просветления, и эта мотивация, несомненно, имеет альтруистическую ориентацию, то есть мы стремимся к достижению Просветления не ради нашего собственного освобождения и счастья, а на благо других – в действительности, как говорится традиционно, на благо всех живых существ.

Когда мы обращаемся к Прибежищу в Будде, Дхарме и Сангхе, мы переходим из группы в духовное сообщество, из-под управления, основанного на силе, к вдохновению, основой которого является бодхичитта, из старого общества в совершенно новое, другое общество. Буддисты говорят о том, чтобы уйти из мира, сансары, в Сукхавати, Чистую землю, мир, в котором условия полностью благоприятны для практики Дхармы. Несомненно, все мы, по крайней мере, иногда, ощущаем неудовлетворенность миром вокруг себя и хотели бы жить в лучшем, более красивом мире, чем тот, который окружает нас сейчас, в мире, который бы укреплял и пробуждал в нас лучшие качества – щедрость, доброту и осознанность – вместо того, чтобы объединенными усилиями подрывать эти качества.

Конечно, многие люди на протяжении истории, как на Западе, так и на Востоке, испытывали такое желание. Вне всякого сомнения, это же ощущали и люди во времена самого Будды, потому что есть, например, история Вайдехи, жены короля Бимбисары, который был правителем королевства Магадха в северной Индии. История Вайдехи описывается в «Амитаюр-дхьяна-сутре», сутре, посвященной медитации Будды Амитаюса, Будды вечной жизни⁴¹. (Это одна из трех сутр, в которых говорится о Сукхавати, Счастливой земле и ее Будде Амитабхе или Амитаюсе: две другие – большая и малая «Сукхавати-вьюха-сутры»).

История начинается с момента, когда принц Аджатасатру занимает трон Магадхи и помещает в тюрьму собственного отца, справедливого короля Бимбисару, которого он намеревается уморить голодом. Но Вайдехи, главной супруге короля (и, как оказывается, матери Аджатасатру), удается тайно пронести ему пищу и поддерживать его жизнь. Когда Аджатасатру узнает о том, что она делает, он угрожает ей смертью, но в конце концов ограничивается ее заточением.

И вот Вайдехи одна в тюрьме, ненавидимая сыном и не способная обеспечить пищей своего мужа. Вполне понятно, что она в совершенном отчаянии. Но она не просто отдается отчаянию. Полностью разочарованная в королевской доле и мирской жизни в целом, она оставляет всякую мысль о своих прекрасных дворцах, принимает потерю семьи и сосредотачивается на Будде, который, как это бывает, находится всего в нескольких милях от нее, на Пике Коршуна. Она даже умудряется совершить простирания в его направлении. И вследствие этого перед ней появляется Будда. Не говорится, появляется ли он перед ней в буквальном смысле, в физической форме, или в некоем видении, но когда королева поднимает голову после почтительного поклона, он уже находится перед ней. Это почитаемый всеми Шакьямуни с сияющим фиолетово-золотым телом (согласно тексту), сидящий на тысячелестковом цветке лотоса, а по левую и правую руку от него восседают Маугадальяна и Ананда. Над ним Вайдехи видит богов, которые защищают мир и рассыпают небесные цветы, делая подношения Будде.

Узрев это, Вайдехи снова простирается на земле и рыдает: «О, почитаемый всем миром, какой мой грех в прошлом привел к тому, что у меня такой дурной сын?» Но ее заботит не только собственное несчастье. Она продолжает: «О возвышенный, какие причины и обстоятельства связали твою жизнь с Девадаттой, твоим злым братом и бывшим учеником?» «Я молюсь лишь об одном, – говорит она. – О, почитаемый целым миром, пожалуйста, поведай мне подробно о всех местах, где нет печалей и бед, куда бы я могла отправиться, переродившись. Я не испытываю удовлетворения от несправедливого мира, Джамбудвипы (то есть Индии), полной адов, голодных духов и животной жестокости. Этот мир несправедливости – скопище злодеев. Да не услышу я снова злого голоса. Молю, чтобы я больше никогда не увидела дурного человека. Я совершаю перед тобой простирание всем моим телом и всеми моими членами и ищу милости, раскаиваясь в своих грехах. Я молю лишь об одном – чтобы солнцеподобный Будда наставил меня, как медитировать о мире, где все деяния чисты».

С помощью своей волшебной силы Будда показывает Вайдехи несколько Чистых земель, где нет страданий, где не слышно ни звука стенания или даже его отголоска. Все эти земли предстают перед ней в обширном видении, и она решает переродиться в Сукхавати, Чистой земле Амитабхи или Амитаюса, западной земле блаженства. Тогда Будда продолжает наставлять ее в том, что ей сделать, чтобы достичь этого. Она должна обратиться к Прибежищу, должна соблюдать десять наставлений – короче, должна преданно следовать основополагающим учениям Дхармы. Кроме этого, она должна медитировать на Амитаюсе, Будде Вечной жизни, и его Чистой земле, Сукхавати. Она должна визуализировать их, увидеть их

– по крайней мере, в медитации – в этой жизни, и Будда учит ее, как достичь этого с помощью шестнадцати последовательных медитаций.

Первая медитация заключается в сосредоточении на образе темно-красного диска заходящего солнца. Затем нужно визуализировать землю, основу или основание из лазурита, темно-синего цвета, простирающуюся бесконечно во всех направлениях, покрытую сетью золотых нитей. Затем посреди золотых нитей поднимаются деревья, сделанные из драгоценностей, озера из драгоценностей, лотосы из драгоценностей. И, наконец, после целого ряда медитаций посреди всех этих сияющих форм, разноцветия и ослепительного света появляется сам Амиитабха, Будда Бесконечного света, в сопровождении двух великих Бодхисаттв, Авалокитешвары и Манджушри, воплощающих его мудрость и сострадание.

Будда говорит Вайдехи, что, если она будет медитировать подобным образом, то, умерев, она переродится в этом высшем измерении, на котором она до этого так усердно сосредотачивалась. Она обнаружит себя сидящей в чашечке прекрасного цветка лотоса, лепестки раскроются, и она увидит сидящего перед собой Амиитабху. Она услышит его учение из его собственных уст, лицом к лицу. И ей нужно будет только практиковать его и медитировать на нем.

Таким образом, условия в Чистой земле архетипически-идеальны. Проповеди Дхармы слышатся в форме музыки ветра, дующего в драгоценных деревьях, в криках и голосах кроншнепов, водоплавающих птиц и райских птиц. Буквально все говорит с тобой о Дхарме, и все условия жизни благоприятны для достижения Просветления. Даже в этих совершенных обстоятельствах достичь Просветления нелегко, но, по крайней мере, ничто вокруг вас этому не препятствует.

Эта картина, представшая перед взором Вайдехи в тюремной камере, прекрасна, но может показаться такой чуждой, такой далекой от мира, в котором мы обычно живем. Но Сукхавати – это не просто еще один мир: наша задача – создавать его, насколько это в наших силах, на этой земле. Нам нужно улучшать положение здесь, делать ситуацию, в которой мы живем, все более и более благоприятной для расцвета духовной жизни и достижения Просветления.

Вот почему в 1967 году я основал новое буддийское движение и почему на следующий год я провел посвящение первых членов Западной буддийской общины, духовного сообщества, находящегося в центре позитивной группы. Идея заключалась в том, чтобы создать – и дать другим возможность продолжать создавать – нашу собственную Сукхавати, здесь, в нашем мире, как бы мала она ни была. На протяжении многих лет я видел, как это движение медленно, но неуклонно развивается. Каждый год где-то в мире появляется новый буддийский центр, новое ретритное сообщество или новое предприятие правильного образа жизни, и я всегда рад приехать туда и присутствовать на открытии, если это возможно.

Одной из самых важных церемоний было открытие Лондонского буддийского центра на Бетнал-Грин в Восточном Лондоне в 1978 году.

Празднования по этому случаю продолжались десять дней и завершились освящением двух алтарных залов. В большем из них в центре церемонии было большое, больше человеческого роста, изображение Амитабхи, Будды Запада, Будды Бесконечного света, который – как Шакьямуни сказал Вайдехи – владычествует в Чистой земле под названием Сукхавати, «счастливой земле», «месте блаженства» или просто «изобилующей блаженством». Сукхавати – это название, данное всему комплексу (месту собрания общины и общественному центру) на Бетнал-Грин.

Но что такое Сукхавати на самом деле? Что мы на самом деле праздновали в дни открытия буддийского центра? Поздравляли ли мы друг друга с тем, что построили здание, куда люди смогут приходить раз в неделю для того, чтобы обсуждать буддизм и слушать лекции того, кто прочитал намного больше книг по этому вопросу, чем они? Для того ли мы работали так упорно, чтобы обрести возможности немного медитировать в качестве терапии и принимать лекарственную дозу буддизма время от времени, просто чтобы продолжать жить своей обычной жизнью? («Не позволяйте им медитировать больше пяти минут, – сказал мне однажды известный английский буддист. – Дольше опасно для западных людей.»)

Название Сукхавати было выбрано, чтобы отметить наше стремление к тому, чтобы этот центр мог служить более благородной, радикальной, даже революционной цели, чем просто дать людям духовные витамины, чтобы помочь им проползти еще несколько дней по мирскому пути. Любой центр, связанный с движением, которое я основал, должен быть ни чем иным как ядром нового общества.

«Новое общество?» Это выражение не ново – был даже еженедельный журнал с таким названием – но за этим девизом стоит простое, но глубокое, возвышенное и радикальное человеческое стремление. Новое общество устроено таким образом, чтобы позволить людям развиваться как человеческим существам. Оно не будет пытаться сделать за людей то, что могут сделать лишь они сами, но оно обеспечивает возможности и среду, которая будет этому способствовать, а также социальный и духовный контекст человеческого товарищества, что облегчает людям задачу развития как человеческих существ.

Говорить о создании нового общества внутри старого – значит признать, что старое общество не может выполнять такую функцию, потому что большинство его членов не заинтересованы в человеческом развитии. Далекое от того, чтобы помочь стремящемуся к духовности, общество в целом затрудняет наше развитие даже тогда, когда мы его желаем, и большую часть энергии, которую стоило бы тратить на работу по духовному преобразению, мы тратим на попытки сопротивляться силам общества, препятствующим эволюции, его подавляющему, принуждающему, попирающему дух влиянию. В идеальном обществе нам не пришлось бы все время держать оборону, чтобы сохранить то небольшое пространство, в котором мы можем развиваться. Наша энергия могла бы свободно направляться на наше собственное духовное развитие в свободном взаимодействии

с другими людьми, чьи убеждения подобны нашим.

Но как буддийское движение может действовать как новое общество в миниатюре? Какова его структура? Как оно работает? В своей основе это товарищество людей, которые пытаются развиваться как личности. По крайней мере, некоторые из его членов так поступают, сохраняя более или менее регулярную связь друг с другом и пытаясь развиваться совместно и помогать друг другу развиваться. Эти личности составляют духовное сообщество внутри нашего движения, они также составляют сердцевину нашего движения. Но мы не можем ожидать от каждого человека, связанного с движением, что он будет прикладывать такие усилия.

Следовательно, движение состоит из двух частей, двух уровней: собственно духовного сообщества и того, что можно описать как здоровую и позитивную группу. Во-первых, есть община, духовное сообщество, которое открыто для всех, кто достаточно целостен как личность, чтобы обрести устойчивую преданность пути Просветления, и кто, следовательно, может со всей серьезностью совершить главный поступок любого буддиста, где бы он ни находился, – обратиться к Прибежищу в Трех Драгоценностях. Следовательно, сердце движения состоит из личностей. А позитивная группа открыта для всех, кто желает принять участие в его деятельности. Это два отличных друг от друга, но пересекающихся – даже смешивающихся – уровня внутри движения в целом. Вместе они составляют то, что можно назвать буддийской группой, хотя я предпочитаю использовать выражение «движение», поскольку оно подразумевает, что в своей сути это динамический процесс.

Вся деятельность этого движения преследует одну цель, одну-единственную цель: помочь людям расти и развиваться как личностям. Наша цель никогда не заключалась в том, чтоб создать организацию в обычном смысле этого слова, подобно некоторым современным буддийским сектам в Японии. Наша цель – не в том, чтобы маршировать с плакатами по улицам Лондона и захватить Альберт-холл или сделать из себя организацию, служащую собственным интересам. На самом деле, присутствие духовного сообщества посреди позитивной группы нужно как раз для того, чтобы этого никогда не произошло.

Когда я говорю, что члены общины – это члены духовного сообщества, я имею в виду, что они принадлежат к настоящему, живому, радостному братству тех, кто практикует Учение и следует по Пути. Когда я говорю, что они – те, кто обращаются к Прибежищу, я говорю не о простом повторении слов Прибежища два или три раза в год по случаю какого-нибудь буддийского праздника, как это происходит во многих частях буддийского мира и даже в буддийских группах на Западе. Под Обращением к Прибежищу я имею в виду подлинную преданность осуществлению идеала человеческого Просветления в этой самой жизни и готовность отказаться от всего, что стоит на пути этой преданности.

Это духовное сообщество – лишь часть более обширной позитивной группы, которая в свою очередь является частью того, что традиционно называется сангхой,

духовным сообществом четырех направлений – севера, юга, востока и запада – и трех времен – прошлого, настоящего и будущего.

Каким бы зачаточным не было это развитие, мы создаем ядро нового общества. Мы заложили основу общества, в котором идея о том, что некоторые могут являться проводниками чьих-то еще позиций и взглядов или стремиться оказывать давление или обладать властью над кем-то другим, абсурдна. В этом обществе может быть место только для личностей, живущих в свободном взаимодействии друг с другом, вдохновленным принципами великого сострадания и запредельной мудрости, и, что превыше всего, бодхичитты, Воли к Просветлению на благо всех живых существ.

Глава 8.

Путь неудовлетворенности

Так как же мы вступаем в духовное сообщество? Понятно, что это нельзя сделать, просто уплатив членский взнос. Это нельзя сделать, даже простояв положенное время на коленях в снегу перед закрытыми воротами монастыря, в стиле японского Дзэна. Сами по себе, эти формальные процедуры не вводят вас в духовное сообщество. Прежде всего, в своей сути вопрос заключается в том, пытаемся ли мы стать личностью, пытаемся ли мы развиваться духовно. Далее, он заключается в том, что мы устанавливаем контакт с другими личностями, которые также пытаются развиваться, и участвуем в духовной практике вместе с ними в общем духовном окружении. Именно в этом состоит подлинное присоединение к духовному сообществу.

Другими словами, человек вступает в духовное сообщество, когда покидает группу. Он перестает отождествлять себя с группой, перестает ощущать, что принадлежит к какой-то группе. В наши дни бывает очень трудно осуществить это буквально из-за груза наших обязанностей: мы не можем просто отказаться от ответственности за тех, кто от нас зависит, и переложить их на кого-то еще. Но это не оправдание для того, чтобы избегать какого-либо заметного отречения от группы. Боюсь, всегда есть вероятность самообмана. Можно сказать: «Я прекрасно справляюсь с домом и семьей – я не завишу от них эмоционально», – но вы не узнаете этого, если не попробуете, какова жизнь без них. Можно сказать: «Я не слишком привязан к жизни на родине, я смогу прекрасно жить в любом уголке мира», – но пока вы не попытаетесь справиться с совершенно незнакомым окружением, погодой, порядками и обычаями, не поговорите несколько месяцев на иностранном языке, вы не можете быть в этом уверены. Довольно просто почувствовать, что отрешаешься от взглядов группы, но, поскольку эмоциональная зависимость от группы чаще всего – нечто бессознательное, доказать это себе довольно сложно.

Сам Будда действительно вступил в духовное сообщество, покинув группу в виде своего родного дома. В традиционных описаниях жизни Будды об этом событии часто рассказывают в ярких красках. Там говорится, как однажды лунной ночью Будда, приняв судьбоносное решение покинуть все в том мире, который он любил, впервые в жизни остался в одиночестве⁴². Прежде чем уйти, он отправился во внутренние покои дворца и увидел свою молодую спящую жену и их ребенка около нее. Ему очень хотелось разбудить их и попрощаться с ними в последний раз, но он подумал: это будет так болезненно для его жены, и, возможно, она даже попытается помешать ему уйти. Стоя в дверях, он лишь посмотрел на них несколько мгновений, а затем повернулся и пошел прочь. Помимо жены и ребенка, он также оставил отца, который, будучи вождем племени, мог дать ему все самое лучшее в жизни, мачеху, которая ухаживала за ним, когда он был ребенком, и друзей. На несколько лет он стал нищим, как говорили в те дни, «*паривраджаккой*», тем, кто «ушел прочь», – ушел прочь, так сказать, от жизни домохозяина и стал бездомным или, можно даже сказать, перестал принадлежать группе.

Во времена Будды по всей северной Индии многие мужчины и некоторые женщины вели жизнь паривраджак – не имея корня, дома, группы. Они существовали на милостыню, ранним утром шагая от дома к дому с чашей для подаяний и принимая любую пищу, которую им давали. Эти паривраджаки были духовными предшественниками современных индийских садху – и сейчас можно увидеть, как они пешком ходят от деревни к деревне, сидят на ступенях храмов или под большими раскидистыми деревьями баньяна.

Уходя прочь, как это сделал Будда, вы перестаете принадлежать группе и становитесь «волком-одиночкой», личностью, существующей сама по себе. Что касается группы, вы для нее более не существуете. В традиционном индуизме подобное отречение ярко и даже ужасающе отражается в специальном ритуале, в ходе которого человек официально становится скитальцем. Вы возжигаете священный огонь и делаете возлияния, начитывая мантры, а потом бросаете в огонь определенные личные вещи, завершая их двумя вещами, несущими глубокий смысл. Первая из этих вещей – тики, пучок волос, который каждый ортодоксальный индуист-мирянин отращивает на макушке головы. Затем вы снимаете священную нить, которую повязывают вокруг тела в знак принадлежности к определенной касте индуизма, и также кладете ее в огонь. Это огромный шаг, потому что социальная жизнь индуистов всецело определяется кастами, – каста является самым важным аспектом вашей идентичности. Но ритуал, тем не менее, еще не закончен. Он завершается вашей собственной погребальной церемонией. Вы играете роль священника на собственной кремации. Кем бы вы ни были раньше, теперь вы мертвы. Согласно индуистской традиции (хотя и не в современной Индии), у вас не остается никаких законных или гражданских прав. Вот как далеко индуисты традиционно заходили, чтоб разорвать свои связи с группой.

Для Будды полное физическое отрешение от мира и отречение от социальной обусловленности было общепринятой практикой, но для нас на Западе это не так. Но мы можем сделать попытку подражать великому отречению Будды, настолько, насколько далеко мы можем зайти – используя традиционное выражение буддизма – в отречении от как можно большего числа групп, от социального положения, отождествления себя с определенной нацией и так далее. Подобное отречение еще выше в обществе, подобном нашему, которое не дает возможности принять такой стиль жизни. Делая это, вы вступаете на путь перехода от члена групп к подлинной личности.

Будда стал Буддой, «тем, кто знает», лишь после шести лет отчаянной борьбы и неустанных поисков в качестве паривраджаки. Когда он начал рассказывать о том, что обнаружил, большинство из его учеников были из класса паривраджак (который был, можно сказать, бесклассовым классом, поскольку его члены отвергли свой класс вместе со всеми его предписаниями). В большинстве случаев они были странниками многие годы, прежде чем встретиться с Буддой, принять его учение и быть принятыми им – или учениками от его лица – в духовное сообщество.

Следовательно, можно выделить два разных этапа в развитии сангхи, вступлении в сангху. Во-первых, есть этап ухода из дома, оставления группы и скитаний без отождествления себя с каким-либо собранием людей. Второй этап заключается во вступлении в духовное сообщество. Это, можно сказать, негативный и позитивный аспекты одного и того же процесса. Более того, эти этапы находят отражение в ритуале буддийского посвящения и в наши дни. Когда вас посвящают, как говорят на Западе, в буддийские «монахи» (хотя «монах» – не совсем подходящее слово), есть два посвящения: так называемое низшее посвящение, *наббаджа* или уход, и высшее посвящение, *упасампада*. Уход символизирует разрыв с группой и освобождение от нее, отсечение биологических связей, преданности группе и политических связей любого рода – вы просто становитесь личностью самой по себе, иногда даже изолируя себя, а высшее посвящение представляет собой принятие этой личности в духовное сообщество. Личность принимается, когда она испытана и проверена, так сказать, в пламени одиночества. Если человек не побежал назад в группу, его, следовательно, можно принять не как того, кто ищет прибежища в маленьком и уютном религиозном кружке, а как личность, принимаемую другими личностями в качестве ответственного члена духовного сообщества.

Но как нам начать сегодня этот переход от старого общества к новому? Можно, конечно, походить по нескольким традиционным буддийским организациям, которые более или менее твердо соблюдают стиль жизни восточных буддистов на Западе. Но признавая, что, по крайней мере, ядро нового общества уже существует в той форме, в которой я его описал, можно также совершить этот крайне важный переход в буддийском центре. Это мост, ничейная земля, где эти два мира могут встретиться и пересечься.

Человек, по крайней мере, поначалу, приходит в буддийский центр с ощущением неудовлетворенности. Может показаться, что это не тот настрой, который следует развивать буддистам – все мы, несомненно, в достаточной мере знакомы с неудовлетворенностью. Каждый, кто брал в руки каталог почтовой доставки, погружался в его глянцевиные страницы, обнаруживал там нечто, чему слишком сложно противостоять, заполнял бланк и отправлял его, ожидая этого зимнего пальто или электродрели с гарантией полного и совершенного удовлетворения, знает, что такое неудовлетворенность. Когда вещи, наконец, прибывают и вы разворачиваете упаковку, все оказывается не таким уж сияющим, роскошным, прочным и большим, как на фотографии. Иногда они даже другого цвета или какая-то деталь отсутствует. Наше разочарование может быть столь велико, что мы, не колеблясь, отправляем заявку с описанием проблем и того, что нас, так сказать, не удовлетворяет, требуя возврата денег и, возможно, сопровождая его письмом в резких тонах.

Но все мы приняли доставку одной вещи, которая, сравни мы ее с описанием продукта, несомненно, окажется неполной или недобросовестно сделанной, но мы, тем не менее, кажется, более чем довольны ей. Эта вещь, конечно, – мы сами. Мы хотим, чтобы все прочее в нашей жизни было сделано

должным образом, было вычищено и сияло, но себя мы любим в своем несовершенном состоянии. Так как же мы приходим к неудовлетворенности? Это довольно просто: мы разочаровываемся, когда сравниваем себя, какие мы есть здесь и сейчас, с тем, какими мы могли бы стать в будущем. Мы испытываем неудовлетворенность, когда видим проблески своего безграничного потенциала и видим по сравнению с ним, что наше нынешнее существование неудовлетворительно и ограничено. Доверяясь этому видению, мы делаем первый шаг к тому, чтобы отшатнуться от себя с отвращением и твердо решить стать правильно действующей человеческой личностью.

Неудовлетворенность – это не просто недовольство, а искреннее и творческое состояние внутреннего протеста, позитивное и мощное побуждение. На самом деле, подобный настрой – отправная точка. Возможно, вы не удовлетворены качеством своих отношений, своей работой, своим досугом – и, возможно, скорее да, чем нет, вы также порядком сыты самим собой. Вы начинаете оглядываться в поисках нового направления, вы, возможно, слышали что-то о буддизме, потом о буддийском центре, о занятиях по медитации, и вы начинаете ходить на эти занятия и слушать лекции. Может быть, вы даже отправляетесь на ретрит на выходных. И в результате всего этого вы начинаете меняться.

Такие изменения довольно легко заметить. Я много раз их наблюдал. Люди меняются прямо у тебя на глазах, и это, можно сказать, чудо, что люди могут измениться, не просто местами, а снизу доверху. На самом деле, сам Будда считал это величайшим из чудес⁴³. Чаще всего он осуждал показ так называемых чудес или сверхъестественных сил. Древним индийцам очень нравились такие вещи, и даже сейчас люди чаще всего оживляются и начинают вслушиваться, когда об этом заходит речь. Будду часто просили продемонстрировать чудесные силы, и иногда он соглашался, если видел на это серьезные причины. Но для него все это было абсолютно несущественным, и если он считал, что люди принимают эти чудеса слишком серьезно, он отказывался иметь с ними дело. Он даже отваживался сказать: «Я осуждаю и презираю их, я питаю к ним отвращение». «Это, – продолжал он, – ненастоящие чудеса. Настоящее чудо – когда кто-то, кто следовал пути тьмы, изменяется и начинает следовать пути света, пути искусных поступков, пути духовной жизни. Вот настоящее чудо».

Эти чудеса происходят снова и снова – зачастую кажется, что это случается вопреки всему. Люди приходят в буквальном смысле с улицы, беспомощные и подавленные, как будто несут все тяготы мира на своих плечах. Они начинают медитировать, становятся более осознанными, и через несколько недель, иногда лишь за выходные, проведенные в ретрите в деревне, вы видите, как они становятся веселее и бодрее. Они начинают различать что-то в буддийском видении существования и изменяются. Некоторые думают, что когда человек десятилетиями ходит одним и тем же маршрутом, становится слишком поздно. Но это огромная ошибка. Если найти правильные, вдохновляющие слова и создать правильные условия, можно измениться в любой момент жизни.

После того, как произошли эти первоначальные положительные изменения,

вас может посетить чувство еще более глубокой неудовлетворенности. Вам вдруг может показаться, что вы не можете продолжать жить по-прежнему. Вы обнаруживаете, что старые отношения и старая работа вас очень ограничивают. Ваш опыт, если говорить вкратце, походит на тот, что пережил сам Будда, когда решился уйти. В этот момент вы можете принять какое-нибудь решение: переехать в общину совместного проживания на пару недель, чтобы посмотреть, на что это похоже, или попытаться поработать на буддийском предприятии правильного образа жизни.

Процесс в целом – от первоначальной неудовлетворенности до ухода – может занять лишь несколько месяцев, но вероятнее, что это займет несколько лет. Это во многом зависит от человека. Но когда переход от старого общества к новому наконец совершен, вы становитесь частью нового общества, и ваша сила как личности укрепляет это новое общество. С этого момента вы живете в ситуации, которая благоприятна для вашего развития как человеческого существа, в ситуации, в которой возможности роста безграничны. Это, на самом деле, очень редкая возможность. Как я знаю на собственном опыте, такая возможность редко выпадает на буддийском Востоке, и было крайне мало надежды на встречу с ней на Западе до недавних пор, до основания ряда действующих духовных сообществ. Найдя такое окружение, человек твердо вступает на путь становления подлинной личности. Именно природа подлинной личности – то, что мы продолжим рассматривать.